

eISSN 2311-2468
Том 3, № 2. 2015
Vol. 3, no. 2. 2015

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ВЛАСОВА О. Е., МОСИНА Н. М.

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию наименований растений в финском языке. Особое внимание авторы уделяют изучению способов номинации растений.

Ключевые слова: признак, способ номинации, заимствование, семантическая модель, семантическая объективация, лексическая объективация.

VLASOVA O. E., MOSINA N. M.

NOMINATING PLANTS IN FINNISH LANGUAGE

Annotation. The article considers the plant names in the Finnish language. The authors focus on the ways of plant names' formation.

Keywords: signs, nomination, borrowing, semantic model, semantic objectification, lexical objectification.

С давних времен многие ученые исследовали названия растений в финском языке, рассматривали их структуры, способы образования. В финском языке, как и в других языках, существуют такие названия растений, которые имеют большое количество вариаций, это можно наблюдать как в литературном языке, так и в диалектах. Рассматривая диалекты, можно выделить большой пласт исконной лексики, при этом также можно отметить огромную роль флоры в жизни людей.

Ученые выделяют различные способы образования названий растений. Многие из наименований несут мотивированный характер. Каждое название – это взгляд на окружающий мир. Человек замечает какой-либо признак, в связи с которым и дает название тому или иному растению. Такие наименования обозначают в большинстве случаев не один конкретный предмет, а обобщенное понятие. В этом процессе выделяют: 1) синтаксическую объективацию, 2) лексическую объективацию.

При синтаксической объективации мы рассматриваем качественные признаки предмета: «первоначальной материальной базой, первоначальной формой объективации нового знания служит описательное сочетание слов» [1, с. 12].

При лексической объективации мы опираемся на результаты синтаксической объективации: «выделение из синтаксически объективированного содержания части, пригодной для лексического объективирования» [1, с. 12].

Наряду с этим при образовании названий растений выделяют 2 основных этапа: 1) номинация по признаку, 2) заимствования из других языков.

В каждой тематической группе лексики имеются определенные семантические модели. В различных языках существуют одни и те же принципы номинации. Существуют они и в финском языке. Х. А. Рейнхольм отмечает: «Финны дают названия растениям в зависимости от того, в каких целях они могут использоваться или по форме растений» [2, с. 162]. П. Сухонен подчеркивал, что финны обращают внимание на такие факторы, как: 1) место, где растет то или иное растение; 2) цвет; 3) форма листьев; 4) форма цветка; 5) запах; 6) как их используют в быту; 7) съедобные или несъедобные и т.д. [3, с. 125].

В финском языке выделяют следующие способы номинации:

1. Цвет.

Многие названия, данные по цветовому признаку, недифференцированные. Растения, которые не часто использовались в быту, не имели собственных имен: *keltakukka* ‘желтый цветок’, *sinikukka* ‘синий цветок’. Во многих диалектах они использовались как названия определенного вида, например, ‘одуванчик’ именуют как *keltakukka*. Другие желтые цветы именуют образно: *voikukka* ‘масляный цветок’. Есть названия, в состав которых входят прилагательные, обозначающие цвет, сравните: *keltalilija* ‘жёлтая лилия’; *keltanenromaska* ‘жёлтая ромашка’; *mustikka* ‘черника’; *punaneapilas* ‘красный клевер’.

2. Особенности отдельных морфологических частей растения.

Некоторым растениям дают наименования по виду стебля: *karhunputka* ‘лесной дягиль’ (букв. ‘дудка медведя’); *koiranputka* ‘купырь лесной’ (букв. ‘собачья дудка’); *kurenmieikka* ‘рогоз’ (букв. ‘журавлиный меч’); *rautakastikas* ‘вейник наземный’ (букв. ‘железный вейник’).

Также названия растений даются по виду соцветия: *aurinko(n)kukka* ‘подсолнух’ (букв. ‘цветок солнца’); *avainkukka* ‘первоцвет весенний’ (букв. ‘ключ-цветок’); *harakanhame* ‘колокольчик’ (букв. ‘юбка сороки’); *harakanvarpaita* ‘плавун булавовидный’ (букв. ‘рубашка сороки’).

3. Место произрастания.

Многим растениям давались названия в зависимости от места, на котором они наиболее часто произрастали: *kankaskanerva* ‘вереск’ (букв. ‘вереск, который растет в сухом месте’); *käärmeen kukka* ‘чай-трава’ (букв. ‘змея-цветок’).

4. Время, в течение которого растет растение.

В данной группе можно привести следующие примеры: *lum(i)kukka* ‘подснежник’ (букв. ‘снежный цветок’); *helluntaikukka* ‘первоцвет весенний’ (букв. ‘троицын цветок’).

5. Вкусовые свойства, съедобность и несъедобность.

Многие растения имеют наименования по признакам съедобности и несъедобности: *haapaomena* ‘яблоня лесная’ (букв. ‘осиная яблоня’); *imeke* ‘бодяк обыкновенный’ (букв. ‘обсасывать’); *karkijakukka* ‘одуванчик’ (букв. ‘горький цветок’).

6. Наличие сока.

В эту группу входят названия растений, в которых содержится много сока. Главным компонентом таких названий является слово *maito* ‘молоко’: *maitoheinä* ‘ромашка’ (букв. ‘молочное сено’); *maito-ohtake* ‘осот полевой’ (букв. ‘молочная трава’).

7. Характер поверхности.

В эту группу входят следующие наименования: *karvamarja, karvijaismarja* ‘крыжовник’ (букв. ‘мохнатая трава’); *armottoman(lapsen)lehti* ‘мать-и-мачеха’ (букв. ‘лист сироты’).

8. Звук, издаваемый растением.

Например: *amrujaine* ‘колокольчик’ < *amrua* ‘стрелять’; *puksuttaja* ‘смолёвка-хлопушка’ < *puksuttaa* ‘хлопать’.

9. Запах, издаваемый растением.

Данная группа не является продуктивной. Названия характеризуют только плохой запах: *hevosenkusikukka* ‘незабудка’ (букв. ‘цветок лошадиной мочи’); *sitta(marja)puu* ‘бузина’ (букв. ‘дерьмо-дерево’).

10. Лекарственные свойства растения.

Например: *rautaheinä* ‘тысячелистник’ (букв. ‘железо-сено’); *rautalehti* ‘подорожник’ (букв. ‘железо-лист’).

11. Народные обычаи, поверья, связанные с растением.

В данную группу можно отнести следующие наименования растений: *arpokukka* ‘нивяник’ (букв. ‘приворотный цветок’); *kiroheinä* ‘лютик едкий’ (букв. ‘проклятие-трава’).

Многие названия были даны растениям по библейским мотивам: *maarianmakkoheinä* ‘тимьян обыкновенный’ (букв. ‘сено спящей Девы Марии’); *uatamin-ja-ievan-käs* ‘ятрышник’ (букв. ‘рука Адама и Евы’); *jeesuksen kynnenheinä* ‘трясунка’ (букв. ‘трава ногтя Христа’); *jumalankäs* ‘ятрышник’ (букв. ‘рука Бога’) [4, с. 74].

12. Некоторые специфические свойства растения.

Зачастую учитываются и особые, или специфические, свойства растения. Среди них такие наименования, как: *kirokastikkaine* ‘трясунка’ (букв. ‘проклятый вейник’), (всегда дрожит по ветру); *kärpäsrutiloi* ‘плаун булавовидный’ (букв. ‘порох мухи’); *poltikkaine* ~ *poltikas* ‘крапива’ < *polttaa* ‘жечь’ [4, с. 75].

13. Наличие нескольких признаков.

Например: *kananpoikii* ‘марьянник’ (букв. ‘цыплята’), (показывает форму соцветия – много маленьких желтых и синих цветков); *keltakynsii* ‘ноготок’ (букв. ‘желтые ноготки’), (форма ягод).

Приведенная классификация показывает, что существует множество способов номинаций растений. Все это говорит о богатстве языка, о том, что он постоянно развивается.

Однако не все названия растений в финском языке образованы от исконно финских основ, в языке также присутствует достаточно большой пласт, представляющий собой заимствования из других языков. Наиболее многочисленными являются:

1) балтийские заимствования: фин. *apila(s)* ‘клевер’, лит. *abuols*; фин. *herne* ‘пшено’, лив. *jērnaz*), лит. *ži;rnis*, лат. *ziņnis*; фин. *takkijaine* ‘репейник’, лит. *takiainen*, лит. *dagys*, лат. *dadzis*; фин. *vihvilä ~ virvilä ~ virvelo ~ virpelo ~ virpalo ~ verpalo* ‘пушица’, лит. *vihvilä*, фин. *vihvero* ‘болотное растение’, лит. *viksva*;

2) германские заимствования: фин. *humala* ‘хмель’, швед. *humle*; фин. *kaura ~ kakra* ‘овёс’, швед. *hagre*; фин. *liina* ‘лён’, норв. *lin*; фин. *hiirenpalko* ‘мышинный горошек’, нем. *Balg*; фин. *holanin/juur* ‘девясил’ < швед. *alant*; фин. *kaal'i ~ kaal' ~ kual'* ‘капуста’ < швед. *kel*; фин. *kisper/puu ~ kirssikka* ‘вишня’ < швед. *kirseber*; фин. *kumina* ‘тмин’ < швед. *kummin*; фин. *lanttu* ‘брюква’ < швед. *planta* ‘растение’; фин. *ruusu* ‘роза’ < швед. *roos, ros*; фин. *sipul'i ~ sipul'* ‘лук’, швед. *sipul* [5, с. 45].

3) славянские заимствования: фин. *papu* ‘боб’ (ср. вепс. *babu*, кар. *papu, rabu*); фин. *porkkana* ‘морковь’ < рус. диал. *боркан*; фин. *norheinä ~ norrheinä ~ norasheinä* ‘трава, используемая при тех заболеваниях коров, которые носят в рассматриваемых говорах общее название *nor ~ nort* < рус. *норица*; приведём также русские названия растений *норичник, норичка, норица*. Представляется возможным связывать наименование фин. *pulpuukas ~ pulpuikkaine* (и др. варианты) ‘кувшинка белая’, ‘кубышка жёлтая’, ‘купальница европейская’ с русским народным *балаболка* ‘колокольчик’, ‘купальница’ и др., хотя направление заимствования трудно установить (фин. литер. *ulpuikka* ‘кубышка жёлтая’). Старые заимствования из разных языков, давно занявшие прочное место в лексике финских говоров, участвуют в образовании характерных для данных говоров названий растений: фин. *kurenkurppine* ‘Венерин башмачок’, *kurppine* ‘поршень’ (*обувь пастухов*) < балт., ср. лит. *ku;rpł*, лат. *kur`pe* ‘башмак’ [7, с. 243].

В финском языке много заимствований из русского языка, так как русские и финские народы тесно взаимодействовали на протяжении нескольких веков: фин. *virapoi* ‘зверобой’ – рус. *зверобой*, фин. *morski* ‘сморчок’ – рус. *сморчок*. *Зверобой* имеет много вариаций в финских диалектах: *sverapoi ~ verapoi ~ virapoi ~ virapei ~ virapiu* [8, с. 2].

К русским заимствованиям также относят: фин. *okurtsi ~ akurtsi* < рус. ‘огурцы’; *potitor(a)* < рус. ‘помидор’; *sv'ekla ~ sv'okla* < рус. ‘свекла’ и многие другие.

Проведенное исследование показывает, что в финском языке выделяют два основных принципа в наименовании растений: номинация по признаку; заимствование названия. Также стоит отметить, что данный лексический пласт, к сожалению, еще недостаточно изучен и требует более тщательных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торопцев И. С. Очерк русской ономастологии: Возникновение знаменательных лексических единиц: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Ленинград, 1970. – 34 с.
2. Reinholm H. A. Suomalaisia kasvu-nimeja. – Helsinki, 1851. – S. 301.
3. Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet (Vanamon kasvitieteellisiä Julkaisuja). – Helsinki, 1936.
4. Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). – Петрозаводск: Карельский науч. Центр РАН, 1999. – 291 с.
5. Оллыкайнен В. М. Словарь североингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский). – Vantaa, 2003.
6. Ракин А. Н. О происхождении названий ягод // Уровни языка и их анализ: На материале языков разных систем. – Москва, 1976. – С. 155-164.
7. Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. – Helsinki, 1952. – S. 243.
8. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, 1992–2000. – S. 1-3.

ГИРЧЕВА О. Е., КАЗАЕВА Н. В.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ *KÉZ* 'РУКА' В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье рассматривается семантика соматических фразеологизмов венгерского языка с компонентом *kéz* 'рука'. Материал для исследования был отобран из словаря В. Бардоши и Г. Киша, в котором представлено более 5 000 устойчивых выражений венгерского языка. В работе также затрагиваются вопросы изучения и роли фразеологии венгерского языка в целом, и соматических фразеологизмов в частности.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, фразеологизм, соматический фразеологизм, семантика, венгерский язык.

GIRCHEVA O. E., KAZAEVA N. V.

**THE SEMANTIC CHARACTERISTICS OF SOMATIC PHRASEOLOGICAL
UNITS WITH THE COMPONENT *KÉZ* 'HAND' IN THE HUNGARIAN LANGUAGE**

Abstract. The article considers the semantics of somatic phraseological units with the component *kéz* 'hand' in the Hungarian language. The study is based on the idioms from the dictionary by V. Bardoshy and G. Kish, which includes more than 5 000 Hungarian set phrases. The author also touches upon the methodology and the role of Hungarian phraseology in general and somatic phraseological units in particular.

Keywords: phraseology, phraseological unit, idiom, somatic idiom, semantics, Hungarian language.

Одним из важнейших средств выразительности речи являются крылатые слова. Этим термином обозначают вошедшие в нашу речь из литературных источников краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц, имена мифологических и литературных персонажей, ставшие нарицательными и т. п. Нередко термин «крылатые слова» толкуется в более широком смысле: им обозначают пословицы, поговорки, всевозможные образные выражения. Именно фразеология изучает такие устойчивые сочетания слов. Благодаря таким свойствам фразеологизмов, как образность, экспрессивность и слитность значения, наша речь становится ярче, эмоциональнее, образнее и выразительнее. Богатство фразеологии есть богатство самого языка, в котором отражается целый мир, национальная самобытность народа, его менталитет, история, традиции и обычаи наших предков.

Значительное место в общем фразеологическом фонде любого языка занимает соматическая фразеология. Не является исключением в этом плане и венгерский язык. Фразеологизмы, в структуре которых содержатся слова, обозначающие части тела человека

или животных, наиболее ярко отражают духовную и материальную жизнь народа. Они характеризуют внутреннее состояние человека, отражают черты его характера, поведение и отношение к обществу. Многие из них описывают различные сферы деятельности человека, выражают его отношение к труду и его результатам.

Большое многообразие соматических фразеологизмов в лексике любого языка можно объяснить тем, что слова, называющие части тела, относятся к древнейшему пласту лексики. Они характеризуются устойчивостью, семантическим разнообразием и большой частотностью употребления: «Соматические фразеологизмы возникают спонтанно, независимо друг от друга в разные периоды и в разных языках, так как имеют общую основу в наблюдении человеком самого себя, частей своего тела, в общих физических и психических признаках человека, в общих условиях развития, в наблюдении жизни и поведения животных, наконец, в наблюдении действий и эмоций человека. Эти наблюдения лежат в основе общих семасиологических законов, по которым в лексемах развиваются переносные значения, становящиеся исходными при образовании фразеологизмов» [1, с. 53].

Следует отметить, что изучение венгерской фразеологии имеет достаточно давнюю историю: уже в XVI веке появляются работы, куда включен и венгерский материал по фразеологии. Наибольший интерес к фразеологическим исследованиям проявился в конце XVIII – начале XIX в. В этот период был опубликован ряд работ, посвященных вопросам фразеологии [3; 9; 8; 13; 11].

Фразеологические единицы венгерского языка привлекают внимание и современных ученых. В настоящее время венгерская лингвистическая наука располагает большим количеством фразеологических словарей, в которых представлены пословицы, поговорки и устойчивые выражения венгерского языка [14; 7; 4; 10; 12].

Как известно, в научной литературе не существует как единого термина для обозначения устойчивых выражений, так и достаточно конкретной классификации фразеологических единиц. В венгерском языкознании данный вопрос разработан также недостаточно и требует дальнейшего изучения.

Венгерские лингвисты к числу фразеологизмов в широком смысле относят пословицы (*Nem mind arany, ami fénylik* ‘Не все золото, что блестит’), поговорки (*Alszik, mint a medve* ‘Спит как медведь’), крылатые выражения (*A pénznek nincs szaga* ‘Деньги не пахнут’), сказочные обороты (*Hol volt, hol nem volt...* (букв. ‘Где был, где не был...’) ‘Жил-был на свете...’), повседневные выражения (*Tanár Úr!* ‘Господин учитель!’, *Jó napot kívánok!* (букв. ‘Желаю хорошего дня!’) ‘Добрый день!’) и др.

Целью данной работы является семантическая характеристика соматических фразеологизмов венгерского языка с компонентом *kéz* ‘рука’. Материал для исследования

отобран из небольшого словаря «Szólások», который включает около 5 000 устойчивых выражений венгерского языка [5].

Следует отметить, что лексема *kéz* ‘рука’ является самой продуктивной в образовании соматических фразеологических единиц в венгерском языке (около 120), о чем свидетельствует материал словаря [5, с. 104-108].

Фразеологизмы с соматизмом ‘рука’ занимают ведущее место и во многих других языках. Это, видимо, объясняется важнейшими функциями руки как универсального органа труда. Соматизм ‘рука’ символизирует труд, физическую деятельность, умение и мастерство человека. В образовании фразеологизмов определенную роль играет и способность лексемы ‘рука’ к абстрактности.

В толковых словарях русского [2, с. 702] и венгерского [6, с. 415] языков дано первое, прямое значение лексемы ‘рука’. Остальные значения слова употребляются в переносном смысле и участвуют в образовании фразеологизованных словосочетаний.

В ходе исследования нами было выявлено 4 группы фразеологизмов с компонентом *kéz* ‘рука’, выражающих различные значения.

1. В первой группе мы объединили фразеологизмы с соматизмом *kéz* ‘рука’, обозначающие обладание чем-нибудь, власть. Они являются самыми продуктивными.

Такие фразеологизмы, как *rát teszi a kezét vkire v. vmire* ‘прибрать к рукам’, *kézben tart vkit v. vmit* ‘держат в руках’, *kézbe (kézébe) vesz vkit v. vmit* ‘взять в (свои) руки’, *vkinek a keze alá kerül vki v. vmi / vkinek a kezébe kerül vki v. Vmi* ‘попасть под чью-либо власть’, *kezében ragadja a kormányt [a kormánypálcát] / kezében tartja a kormányt [a kormánypálcát]* ‘держат бразды правления в своих руках’ выражают обладание или приобретение власти, управления и носят негативный характер [5, с. 104; 106; 108].

Противоположными по семантике вышеуказанным фразеологизмам являются соматические фразеологизмы со значением потери, утраты чего-либо: *kicsúszik vkinek a kezéből (a kezei közül) vki v. vmi* ‘выскользнуть из рук’, *kiad a kezéből vmit* ‘выпустить из рук’ [5, с. 107]. Таких фразем в венгерском языке значительно меньше.

Стилистически нейтральными, на наш взгляд, являются следующие фразеологизмы: *kézzől kézre adnak vkit v. vmit* ‘из рук в руки’ (букв. ‘из рук в руки давать кого-либо или что-либо), *kéz alatt (kéznél) van vmi* ‘иметь под рукой’ [5, с. 106-107].

2. Вторая группа фразеологических единиц с компонентом *kéz* ‘рука’ представлена фразеологизмами, отражающими характеристику трудовой деятельности человека и ее результат.

Фразеологизмы *ég vkinek a keze alatt a munka* ‘дело горит в руках’, *gyors vkinek a keze (vkinek gyors keze van)* ‘дело горит в руках’ (букв. ‘у кого-то быстрые руки’), *vkinek szerencsés*

keze van ‘дело спорится в руках’ (букв. ‘у кого-то счастливые руки’), *fél kézzel* ‘одной рукой’, ‘легко, умеючи’ (букв. ‘половиной руки’) символизируют трудолюбие и усердие, сноровку и быстроту [5, с. 105; 108].

Антонимичными по значению являются фразеологизмы *kiesik (kihull) vkinek a kezéből az ecset* ‘валиться из рук’ (букв. ‘выпадает у кого-либо из рук кисточка’), *vkinek két bal keze van* ‘из рук вон плохо’, ‘делать что-либо неумело’ (букв. ‘две левые руки у кого-либо’), *sír vkinek a kezében a munka* ‘неумело, нехотя работать’ (букв. ‘плачет у кого-то в руках работа’), которые выражают неумение работать, нерасторопность [5, с. 106-108].

В венгерском языке имеются и другие фразеологические единицы с компонентом *kéz* ‘рука’, не представленные в словаре В. Бардоши и Г. Киша, например: *lyukas a keze vkinek* ‘у кого-то дырявые руки’, *minden kiesik a kezéből* ‘все у него валится из рук’.

Все эти фразеологизмы обладают отрицательной коннотацией и выражают нерасторопность, нежелание или неумение работать, недобросовестное отношение к труду, медлительность, лень.

3. В третьей группе представлены соматические фразеологизмы с компонентом *kéz* ‘рука’, отражающие личность человека.

Такие фразеологизмы могут выражать как положительную характеристику человека: *vkinek szerencsés keze van* ‘дело спорится в руках’ (букв. ‘у кого-то счастливые руки’), *vkinek a jobb keze* ‘первый помощник’ (букв. ‘правая рука кого-либо’), *vkinek tiszta a keze* [*vkinek tiszta keze van*] букв. ‘у кого-то чистые руки’ (о человеке, который не обманывает, не крадет), *szűz kéz* букв. ‘невинные, девственные руки’ (о человеке, которому везет в игре и который приносит удачу другим), так и отрицательную: *messze (messzire) (el)ér vkinek a keze* букв. ‘далеко руки достают у кого-либо’ (о человеке, который ворует), *enyves vkinek a keze* [*vkinek enyves keze van*] букв. ‘у кого-то руки испачканы клеем (о человеке, который имеет привычку воровать), *fukar kezekkel mér* букв. ‘жадными руками мерить’ (о жадном, скупом человеке) [5, с. 104-105; 108].

4. В четвертую группу мы включили фразеологизмы с компонентом *kéz* ‘рука’, отвечающие на вопрос ‘как’.

Фразеологизмы данной группы обозначают образ действия: *üres kézzel* ‘с пустыми руками’, *fél kézzel* ‘одной рукой’ (букв. ‘половиной руки’), *tele kézzel* букв. ‘с полными руками’, *puszta kézzel* ‘с пустыми руками’ и некоторые др [5, с. 105; 108]. Как видим, они не многочисленны.

В заключение следует подчеркнуть, что соматические фразеологизмы венгерского языка – это одна из наиболее используемых и древних по своему происхождению групп фразеологических единиц, несущих в себе ценную лингвистическую и культурно-

историческую информацию. Их изучение всегда актуально и представляет большой интерес для исследователей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). – Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2011. – 200 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2008. – 1200 с.
3. Adámi M. Ausfürliche und neuerläuterte ungarische Sprachkunst. – Bécs: Druck Schilg, 1760.
4. Bárdosi V. Magyar szólástár: Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. – 952 old.
5. Bárdosi V., Kiss G. Szólások. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2005. – 231 old.
6. Eöry V. Magyar értelmező szótár diákoknak. Szómagyarázatok példamondatokkal– Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2010. – 900 old.
7. Forgács T. Magyar szólások és közmondások szótára: Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemléltetve. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. – 822 old.
8. Gyarmathi S. Okoskodva tanító magyar nyelvmeistere. 2. köt. (Kis szótár). – Kolozsvár–Szeben, 1794.
9. Korabinszky J. M. Meliböi ungarischer Sprachmeister in einer ganz veränderten Gestalt. – Aufl. Pozsony, 1779.
10. Litovkina A. Magyar közmondástár: Közmondások értelmező szótára példákkal szemléltetve. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2005. – 822 old.
11. Szaitz L. Kis magyar frazeológia. – Pozsony, 1788.
12. Szemerényi Á. Szólások és közmondások. – Budapest: Osiris Kiadó, 2009. – 1462 old.
13. Szent-Páli I. Grammatica Hungarica. – Nagyszeben, 1795. – 283–302. old.
14. Újváry Z. Szólásgyűjtemény. – Budapest: Osiris Kiadó, 2001. – 668 old.

ШЕВЦОВА Т. П.
МОРДОВСКИЕ СКАЗИТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ С. М. ЛЮЛЯКИНОЙ

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты сказительского творчества С. М. Люлякиной как представителя мордовского народа. Основное внимание уделяется тематике и жанровой специфике произведений. Более подробно рассматриваются песни и сказы.

Ключевые слова: мордовское сказительское творчество, фольклор, песня, сказ, патриотическая лирика.

SHEVTSOVA T. P.
MORDOVIAN STORYTELLING TRADITIONS IN S. M. LYULYAKINA'S WORKS

Abstract. The article deals with some aspects of storytelling works by S. M. Lyulyakina as a representative of the Mordva people. Particularly, the author focuses on the subject and genre features of the literary works. The study is based on the songs and tales of the author in question.

Keywords: Mordovian storytelling, folklore, song, tale, patriotic lyrics.

Видное место в словесном искусстве мордвы занимает сказительское творчество, уходящее своими богатейшими традициями в сокровищницу народной жизни – фольклор. Широкое распространение сказительское творчество получает в 20–40-е годы XX века. Тогда оно олицетворялось с творчеством Фёклы Беззубовой и Ефимии Кривошеевой. Во второй половине столетия развитие мордовского сказительства было связано с неординарным творческим талантом Серафимы Люлякиной.

Серафима Марковна родилась и выросла в краю богатом не только традициями устного народного творчества, но и людьми, стоявшими у истоков национальной литературы. Выходцами из Бугурусланского уезда Самарской губернии были Пётр Кириллов, Артур Моро, Алексей Лукьянов, Василий Радаев, Никифор Филиппов, Лука Кавтаськин, Алексей Дуняшин, Ксения Петрова, Тимофей Раптанов и другие.

Фольклорная поэзия явилась основой творчества и для С. М. Люлякиной. Склонность к поэтической импровизации у Серафимы Марковны появилась очень рано и развивалась в благоприятных условиях. Бабушка будущей поэтессы, Анисия Ефимовна, прожившая 105 лет, в свое время была известной сказительницей в Самарской губернии. От нее способная и памятливая внучка училась любить красоту родного слова, складывать свои песни.

Уже в этот ранний период своего творчества С. Люлякина, следуя традициям богатого мордовского народного песенного искусства, складывает свои песни, сочиняя к ним

соответствующую содержанию мелодию. Слова и мелодия в ее песнях звучат в неразрывном единстве. Музыка усиливает словесные образы, делает их ярче, доходчивее. С годами этот сочинительский процесс станет ее творческой манерой.

В целом для творчества С. Люлякиной характерны те же черты, что и для творчества ее предшественниц, сказительниц старшего поколения, Е. П. Кривошеевой и Ф. И. Беззубовой: использование распространенных и излюбленных языковых средств, образов, свойственных традиционному фольклору, для художественного отображения действительности. Говоря о поэтическом мастерстве С. Люлякиной как сказительницы, можно сделать заключение о том, что она глубоко мыслит категориями фольклора.

Произведения зачинателей мордовского советского сказительского творчества – это, как правило, «нерифмованные стихи, в которых не строго обязательно соблюдается ритм» [1, с. 34]. В песнях и сказах же С. Люлякиной, чаще всего, наблюдается четкая рифма, стих ритмичен и музыкален.

Произведения С. Люлякиной разнообразны не только по содержанию, но и по интонации, по настроению лирического героя. Она слагает песни и грустные, и веселые, торжественно-патетические, шуточные, и юмористические. Но даже грустные песни у С. Люлякиной оптимистичны и светлы.

В июле 1982 года Мордовское книжное издательство выпустило в свет первый сборник произведений С. М. Люлякиной «Моронь гайть» («Мелодия песни»). Делая попытку охарактеризовать главные аспекты ее творчества, мы будем опираться на произведения, которые вошли в данный сборник.

С. М. Люлякина большое место в своем творчестве отводит патриотической лирике. В таких песнях, как «Россиям, те весе тонь» («Россия, это все твое») «Моро Саранскойде» («Песня о Саранске»), «Тонеть, мастором» («Тебе, страна»), «Дубенка веле» («Село Дубенки»), «Зубова Поляна» и других воспеваются красота и богатство родного края, его трудолюбивые, талантливые люди, любовь людей к великой Родине, их радостная, счастливая жизнь.

Нать, а стяко тундонь тундос тесэ
Мазый морот цёковось моры.
Монь масторонть арась питнепезэ,
Монь Россиясь валдо чикс палы.
Цветить садтнэ, прок сиясо чадыть,
Тейтерь лентакс леензэ чудить,
Ине паксят менель краев срадыть,
Океанокс вирензэ увныть [2, с. 28].

В творчестве С. Люлякиной большое место занимает Великая Отечественная война, всю тяжесть которой она испытала сполна. В эти годы она слагает песни о героизме советского народа, о тяготах войны, о воинах, отдавших жизнь во имя спасения человечества от «коричневой» чумы. Вот как она описывает начало войны в одном из своих сказов:

Вай, чополгадсь, чилисемась чополгадсь.
Пурьгине зэрттенть модась соракадсь.
Масторонть вельксэс кирви буря стясь,
Тиринь моданть лангс пси пиземе прась.
Вай, синди-мацти виртнень-паксятнень...
Вай, народось тусь толонть мацтямо,
Толонть мацтямо, врагонть изнямо [2, с. 40].

Наиболее значительным в цикле произведений о Великой Отечественной войне является сказ «Раужо давол» (в русском переводе «Память вечная»). Он пронизан глубокими патриотическими чувствами, в нем показано, какой ценой досталась победа над врагом. Пользуясь традиционными для сказительского творчества изобразительными средствами, например, война изображается в образе страшного урагана, огненного дождя, принесшего горе и страдания, С. Люлякина с огромной силой рисует картины вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну:

Кизэ куншкане давол кепететсь,
Чентясь лугатнень, виртнень толсо ледсь;
Весе менельганть кивчкадсь ёндолось,
Весе масторганть сравтовсь пурьгинесь,
Кирви икстерькав толонь пиземесь;
Калязь цярахман коштонть пештизе,
Чинтькак качамов содсо кекшизе [2, с. 44].

Но вражеские стаи не выдержали героического натиска советских войск и были наголову разбиты:

Кармасть панемест минек цёратне,
Кармасть кравтомост виев алятне.
Эрьва ёндо сынь маштыть даволонть,
Эрьва таркасо сайт оймензэ.
Ансяк кулома казить сонензэ,
Ансяк кулома учи эйсэнзэ:
Верде, алдоjak, мода лангстояк,
Ведь потмаксстояк, пандо прястояк.

Содонь даволось сестэ талакадсь,
Весе човорявсть сонзэ полконзо.
Чии мекев сон, арды удалов,
Сестэ ёматотсь сонзэ ёнксоzo [2, с. 45].

В этом замечательном сказе Великая Отечественная война показана с огромной эмоциональной силой, с великолепным поэтическим мастерством. Читая сказ, чувствуешь, сколь глубоки переживания, сколь неразрывны нити, связывающие сказительницу со своим народом и Родиной.

В цикл сказов о войне входят также «Иля пува, варма» («Не беснуйся, ветер»), «Варма» («Ветер»), «Ливтить письмарт» («Летят скворцы»), «Вай, луга, луга» («Ох, лужок, лужок»), «Цецят» («Цветы»), «Вирень полянасо» («На лесной поляне»). Они сложены с учетом многовекового мастерства народного творчества. В этих произведениях показаны переживания женщин, матерей, потерявших на войне мужей, сыновей. Но не только бесконечное горе отражено в них. «Эти песни – свидетельство нестигаемой стойкости духа советских женщин, их мужества. Оставшись без мужей, они сумели вырастить настоящих сыновей, достойных героической памяти отцов» [3, с. 102].

В творчестве С. Люлякиной большое место занимают песни на сельские бытовые темы, которые вошли в цикл «Велень морот» («Деревенские песни»). Это «Дуняша», «Чиявтома» («Сватовство»), «Селёка» («Селезень»), «Нудеень моро» («Песня тростника»), «Адядо, ялгат, пангонь пурнамо» («Идемте, друзья, за грибами»), «Яки, яки утинесь лугава» («Ходит, ходит уточка по лугу») и др. К ним примыкают юмористические песни, которые в сборнике даны под рубрикой «Мизолкст» («Смешинки»). Среди них наиболее популярной является песня «Семеричка картъ» («Семилыковые лапти»). Это веселая шуточная песня, в которой рассказывается о чудесных лаптях, не знающих износу, хотя в них ходило чуть ли не полдеревни.

Песни эти двух циклов лиричны, окрашены добрым юмором, некоторые же из них по-настоящему сатиричны, т. к. высмеивают различные людские пороки. Таковы песни «Сака монень инжекс, кум» («Приди-ка в гости, кум»), «Ули Хрола» («Бывалый Флор»), «Матря патянь цёразо» («Сын тети Матрены») и другие.

В интимной лирике сказительницы выявляются высокие нравственные идеалы, глубина чувств советских людей. «Вечкитинь тонь» («Любила тебя»), «Учинь эйсэть килей ало» («Ждала тебя под березой»), «Мекс, седейнем, ризнат» («Почему, сердечко мое, печалишься») и другие песни из цикла «Седей вал» («Сердечное слово») пронизаны светлыми чувствами, душевными переживаниями героев.

С. Люлякина – сказительница, выросшая на традициях устного народного творчества. Из всех фольклорных жанров наиболее любимым, как нам кажется, является для нее песня. Ее песни музыкальны, язык их богат и образен, с меткими сравнениями и метафорами. Тематика их актуальна, жизненна, очевидно, поэтому ее песни имеют большой успех у слушателей. Найдя свое призвание в развитии песенного фольклора, сказительница продолжала совершенствовать свое мастерство. Она пребывала в постоянном творческом поиске, шла по пути к новым успехам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самошкин А. Г. Сказительские традиции мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – 193 с.
2. Люлякина С. Моронь гайть. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – 115 с.
3. Девяткин С. Возрожденная традиция // Современная мордовская литература. 1960 – 80-е годы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – Ч 1. – С. 97-105.

СИЛКИНА Н. А.

РОМАН К. АБРАМОВА «ПУРГАЗ»: ФАКТЫ, ЛИЧНОСТИ, ОБРАЗЫ

Аннотация. В статье анализируются документальные источники и фольклорный материал, художественно осмысленные К. Абрамовым в романе «Пургаз» в соответствии с авторской эстетической концепцией личности и истории.

Ключевые слова: роман-сказание, образ, личность, документальный факт, фольклорный источник.

SILKINA N. A.

K. ABRAMOV'S NOVEL "PURGAZ": FACTS, PERSONALITIES, IMAGES

Abstract. The article presents an analysis of the documentary sources and folklore material artistically interpreted by K. Abramov in the novel "Purgaz" in accord with the author's aesthetic conception of personality and history.

Keywords: novel tale, image, personality, documentary fact, folklore source.

Проблемы развития и функционирования мордовского исторического романа находят глубокое научное осмысление в работах А. И. Брыжинского [3], Е. А. Жиндеевой [5], Е. А. Шароновой (Федосеевой) [9], С. В. Шеяновой [10; 11] и др. С. В. Шеянова приходит к справедливому заключению о том, что «к 90-м годам XX века мордовский исторический роман проделал большой путь от художественной иллюстрации к поэтическому анализу, от изображения событий – к их философскому осмыслению» [11, с. 285]. Данная тенденция в полной мере реализовалась в романе К. Г. Абрамова «Пургаз» (1988), по жанрово-стилевым характеристикам определяемого литературоведами как роман-сказание, в художественной ткани которого гармонично перемежаются документальные факты, фольклорные источники и художественный вымысел [3; 5; 9; 10].

В романе «Пургаз» автор художественно реанимирует историческую атмосферу и события конца XII – начала XIII века, изображает и осмысливает роль в историческом процессе реального исторического лица – эрзянского князя Пургаза. Историческое повествование требует достоверного воссоздания прошлого. К. Абрамов прекрасно владел принципами и приемами художника-историка, поэтому вооружается знаниями из научных источников. Следует говорить о том, что прозаик первым в мордовском художественном слове обращается к изображению столь отдаленной эпохи, зафиксированной в ограниченном количестве источников. Тем ценнее и художественно значимее его произведение.

Национальные историки утверждают, что сведения о мордве содержатся уже в первых памятниках русской письменности. Наиболее ранним из крупных памятников является Киевская летопись, важнейшую часть которой составляет «Повесть временных лет» –

летописный свод, составленный в 1113 году монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, а в 1116 году проредактированный игуменом княжеского Выдубицкого монастыря Сильвестром. Составитель «Повести временных лет» указал точное место расселения мордвы – «по Оце реце» (по Оке реке). Из «Повести временных лет» получаем сведения о взаимоотношениях мордвы с русскими князьями. Походы последних на мордовские земли не всегда приносили им победу. В датированной 1103 годом части «Повести» сообщается о победе мордвы над князем Ярославом: «...того же лета бияся Ярослав с Мордовою месяца марта в 4 день и побежден бысть Ярослав» [7, с. 280].

Краткое, но ценное упоминание о мордве содержится в памятнике древнерусской литературы «Слове о погибели Русской земли». Из этого источника узнаем, что «...от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху. ...Буртасы, черемисы, вьда и мордва бортничали на князя великого Владимира» [8, с. 131].

Важным информатором по истории не только русского народа, но и мордвы является Патриаршая, или Никоновская, летопись – свод, составленный неизвестным лицом во второй половине XVI века и заключающий в себе непрерывное описание событий до 1559 года. Данная летопись, по мысли историка Н. Ф. Мокшина, дает ценный материал для реконструкции истории мордвы XII–XVI вв. «В ней, – отмечает ученый, – нашли отражение события, связанные с мордовско-русскими и мордовско-булгарскими взаимоотношениями, монголо-татарским вторжением на Мордовскую землю, участие мордвы в покорении Казани. Существенны летописные сведения о Пургасе – одном из наиболее видных правителей мордвы, именем которого («Пургасова волость») летописец назвал формирующуюся мордовскую государственность. Летописец свидетельствовал не только о «Мордве с Пургасом», «Мордве Пургасовой», но и о «Руси Пургасовой» – русском населении, подвластном Пургасу» [6, с. 48].

Таким образом, К. Абрамов не имел возможности изучить объемный историко-хроникальный материал, содержащий сведения о жизни, быте, культуре эрзян и мокшан на рубеже XII–XIII вв. Сведения о них в источниках достаточно скудны, отражают в основном сферу общественно-политической деятельности, содержат упоминания лишь отдельных личностей. Это обстоятельство подвергло автора искать иные источники, которыми стали разнообразные произведения устно-поэтического творчества – предание об Абрамовом городке, предание о Скворце и Дятле, имеющее поэтический вариант – песню «На горах то было, на горах Дятловых».

Эстетика исторического жанра предъявляет требование для органичного включения фольклорного материала в ткань литературного произведения – необходимость его внутреннего соответствия художественно-авторской концепции. К. Абрамов глубоко продумывает приемы реализации устного образца в рамках авторского слова. Он не вводит предания, сказания и песни в неизменном виде, а осваивает содержащуюся в них информацию, благодаря чему роман «Пургаз» является цельным, гармоничным, соответствующим жанровым критериям произведением, синтезирующем фольклорное начало, документальный материал и собственно-художественный вымысел. Писатель, на наш взгляд, достиг цели исторического повествования, сформулированную Н. А. Добролюбовым: «...оживить мертвую букву летописного сказания, вдохнуть живую душу в мертвый скелет подобранных фактов, осветить лучом поэтического разума исторически темную эпоху, представить частную внутреннюю жизнь общества, о котором история рассказывает нам только внешние события и отношения» [4, с. 530].

К. Абрамов достоверно, в соответствии с эстетикой реализма, реконструирует взаимоотношения эрзянских племен с русскими князьями, булгарами, половцами, факты формирования феодальной государственности у эрзян и мокшан на рубеже XII–XIII вв. В русло повествования введены масштабные этногеографические описания, дающие сведения о расселении древней мордвы, взаимоотношениях с другими народами, углубляющие реалистичность стиля романа. «От Волги и до половецких кочевий на юге, от Оки и до Булгарской земли за Сурой раскинулась Мордовская земля. Половцы не пашут и не сеют. К зиме они уходят со своими многочисленными стадами далеко на юг, чтобы к весне вновь возвратиться на старые пастбища и прижаться к Мордовской земле. За Окой далеко на запад, север и юг простирается Русская земля. Русские, болгарские и половецкие земли стянули Мордовскую землю будто железным обручем...». Половцы всегда появляются неожиданно, будто градовое облако. Но град бьет только посеvy. После набега половцев не остается ничего – они жгут дома, убивают и уводят людей, травят поля.

А к западу от мокшан – Рязанский князь. Его дружины тоже любят наведываться к ним. Но если половцы, опустошив мокшанские земли, снова уходят в свои степи, княжеские люди сами никогда не уходят. Захватив земли, леса и реки, они считают их своими. Грызут враги Мордовскую землю со всех сторон, будто моль точит бычью шкуру» [2, с. 22]. Изображение военных и культурных отношений эрзян с другими народами придает повествованию многогранность, разветвляет сюжетную линию.

Роман К. Абрамова следует расценивать как художественный экскурс в давно минувшую эпоху, дающий возможность современному читателю задуматься об этнических корнях, осмыслить истоки своего народа, провести связь времен. Ценность романа

многократно увеличивается за счет следующего обстоятельства: писатель реанимирует реальную историческую личность – князя Пургаза – первого исторически известного эрзянского инязора, прогрессивного главу сильного и независимого рода, создателя дисциплинированного, хорошо обученного и вооруженного, боеспособного войска, талантливого полководца и государственного деятеля. Данный образ объединяет все сюжетные линии романа в единый узел, посредством его разрешается проблема личности и ее места в историческом процессе, вопросы взаимоотношений людей в сложной системе разнообразных связей (общественных, политических, семейно-бытовых, морально-этических), реализуется образ средневекового человека, реставрируется национальный характер.

Справедливо говорить о том, что К. Абрамов рисует динамичный характер, статичные отношения, в авторской концепции, не способны передать эволюционный процесс. Его герой живет и развивается вместе с самой жизнью. Развитие и становление героя как незаурядной личности передает его динамичный портрет: «Почти все мужчины обрановского рода голубоглазые и светлые. Пургаз вышел в бабушку, унаследовал ее половецкую кровь, потому, видно, Вежава и любит его больше всех своих детей и внуков. Ростом он не велик, волосы кудрявые, темные, глаза черные, и даже лицо смуглое» [2, с. 123], – так описывает К. Абрамов своего девятнадцатилетнего героя.

К пятидесяти годам инязор раздобрел, расширился в плечах, шел, тяжело волоча ноги, в нем трудно было узнать стройного и быстрого Пургаза. В заботах о своей земле, о людях, об Обранов городке он рано поседел и постарел. Лицо его стало «землистое, изборожденное морщинами» [2, с. 311]. «Совсем побелел Пургаз – и бороду и голову его будто осыпало пушистым снегом. Гладкое и полное когда-то лицо словно съежилось и покрылось частой сетью морщин. Да и то сказать – семьдесят три года отметил этой осенью» [2, с. 416]. Перед читателем происходит метаморфоза: мальчик, юноша, мужчина-воин, старик, обремененный годами и властью. Портрет в данном случае выполняет функцию не только презентации внешнего облика персонажа, но и экспликации процесса становления и развития характера в целом.

В самом начале романа Пургаз – семилетний ребенок, который воспитывается в нравственно-этических традициях своей большой семьи, которую неоднократно постигали беды и трагедии (гибель членов семьи в столкновениях с русскими князьями, половцами). На первых страницах романа представлена символическая сцена: дед Обран отдает первый кусок жертвенного мяса Пургазу, самому младшему внуку от третьей жены Вежавы, хотя этнические правила требовали отдать его старшему сыну. С этой символической сцены читатель проникается мыслью об особой роли Пургаза в истории рода.

Юношеские годы своего героя К. Абрамов посвящает образованию и разнообразным наукам. Целеустремленный, талантливый Пургаз учится в болгарском Великом городе. Он демонстрирует незаурядные способности: владение иностранными языками, прекрасное знание Корана, тягу к естественным и техническим наукам. Свой багаж знаний герой реализует на родине, обучив мастеров производству стекла, железного оружия и т.д.

К тридцати годам Пургаз – сложившаяся личность, масштабно мыслящая, осознающая свою роль в обществе и ответственность за свой род. Эти качества помогли ему не только завоевать уважение и почитание народа, но и стать мудрым политиком, грамотным полководцем, военным тактиком и стратегом. Деятельность инязора разнообразна, охватывает практически все сферы жизни средневекового человека – от бытовой до политической. Основная роль Пургаза – в объединении эрзянских и мокшанских племен и родов. Он прекрасно понимал, что только сильный и единый народ способен противостоять агрессии врагов. Автор раскрывает сложности и противоречия процесса объединения, когда инязору приходилось включать не только организаторские способности, но и знание психологии человека.

Пургаз был сыном своего народа и своей эпохи. Вся его деятельность была направлена на благо людей, на создание условий менее опасного существования. Суровое время реализовало Пургаза как полководца и политика, борца за справедливость и свободу. В его характере отражены психологические черты эрзянского народа – правдивость, ответственность, свободолюбие. В многочисленных конфликтах и схватках Пургаз остался непобедим и непокорен. «Среди восточно-европейских правителей, приезжавших к Батыю за ярлыком на княжение, – отмечает В. К. Абрамов, – имя Пургаза не упоминается. Скорее всего он погиб, защищая одну из последних крепостей – один из последних клочков родной земли, за независимость и процветание которой боролся всю свою жизнь» [1, с. 41]. К. Абрамов в романе конкретно не изображает конца жизненного пути Пургаза, проводит мысль о том, что след инязора затерялся в дремучих лесах. Однако это не следует интерпретировать как недоработку автора. К. Абрамов в данном случае опирается на фольклорный опыт: народные предания не воссоздают факта гибели героя.

В романе «Пургаз» упоминается еще одна историческая личность – Пурейша (Пуреш), мокшанский князь конца XII – начала XIII века. Из исторических источников получаем сведения о том, что Пуреш был современником Пургаза и его основным соперником в борьбе за верховную власть над всей мордвой. Историк В. К. Абрамов пишет: «В двадцатых годах тринадцатого столетия Пуреш становится «ротником» (союзник, вассал) великого князя владимирского Юрия, наиболее сильного государя в поволжском регионе» [1, с. 43]. Пургаз же смог отстоять политическую независимость своего народа, что дает

возможность историкам следующим образом оценить его роль в истории: «...не вызывает сомнения тот факт, что нахождение в эти трагические годы во главе крупнейшего мордовского княжества такого незаурядного деятеля как Пургаз, в немалой степени способствовало выживанию народа» [1, с. 40].

В стиле романа-сказания К. Абрамова «Пургаз» органично сочетаются историческая достоверность и традиции устного поэтического творчества мордовского народа, а также поэтический вымысел автора, что дает образец художественно-эстетической ценности, стилистической отточенности, позволяющий говорить о самобытной индивидуально-авторской концепции личности и истории, оригинальности мировоззрения и мировосприятия мастера слова, истинном его таланте и даровании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В. К. По следу времени: очерки об известных исторических деятелях. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – 304 с.
2. Абрамов К. Пургаз: роман-сказание. – М.: Современник, 1989. – 444 с.
3. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 232 с.
4. Добролюбов Н. А. О русском историческом романе // Полн. собр. соч.: в 6 т. – Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1934. – С. 528-534.
5. Жиндеева Е. А. Проблема характера в мордовской исторической прозе 1970–1990-х годов: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1997. – 186 с.
6. Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 240 с.
7. Полн. собр. русс. лет. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Вып. 1. Повесть временных лет. – Изд. 2-е. – Л., 1926. – 286 с.
8. Слово о гибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 130-131.
9. Федосеева Е. А. Исторический роман Мордовии. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 48 с.
10. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.
11. Шеянова С. В. Мордовский исторический роман: вопросы жанра, истории и поэтики // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2010. – № 11. – С. 280-288.

УШАЕВА А. О., АРИСКИНА Т. П.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ИМЕН ЛЮДЕЙ И НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ С ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА НА ВЕНГЕРСКИЙ

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению мифических персонажей в эпосе «Масторава» и способам их перевода с эрзянского языка на венгерский. Особое внимание уделяется такой важной стороне перевода как взаимодействие между национальными и общечеловеческими началами в оригинальном произведении и его переводе. Трудности в значительной степени связаны именно с передачей национального характера произведения: чем ярче оно отражает национальную жизнь, чем более характерные ситуации освещает, тем труднее переводчику найти адекватные функциональные изобразительные средства.

Ключевые слова: «Масторава» / «Masztorava», перевод, способ перевода, персонаж, мифическое божество, собственное имя, бог, герой.

USHAEVA A. O., ARISKINA T. P.

THE SPECIFICS OF TRANSLATION OF THE NAMES OF PEOPLE AND ANIMALS FROM ERZYA LANGUAGE INTO HUNGARIAN

Abstract. The article deals with the mythical characters of the epos "Mastorava" and their translation techniques from the Erzya language into Hungarian. The study considers the interaction between national and universal principles in the original literary work and its translated version as a most important aspect of translation. To a great extent, the translation difficulties arise when rendering national identity of a literary work. Thus, the brighter it reflects national life and typical situations, the more difficult it is to choose the appropriate verbal means in translation.

Keywords: "Mastorava" / "Masztorava", translation, translation technique, character, mythical deity, proper name, god, hero.

Имена и названия всегда играли особую роль в жизни человека. С выяснения имени начинается знакомство людей друг с другом. Каждый этнос, в том числе мордва, на протяжении всей истории своего развития создает самобытную ономастическую систему родного языка. Собственные имена чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. Имена собственные становятся опорными точками в межъязыковой коммуникации и тем самым в изучении иностранного языка и переводе с него. Считается, что имена собственные «переводятся» как бы сами собой, автоматически, сугубо формально. Результатом такого формального подхода являются многочисленные ошибки, разночтения, неточности в тексте перевода.

По международным стандартам имена собственные, как правило, транскрибируются или транслитерируются. Особенность имен и названий, в отличие от многих заимствованных иностранных слов, состоит в том, что при передаче их на другие языки они сохраняют свой первоначальный звуковой облик. Причина этого заключается в специфике семантической структуры собственного имени. Существует четыре способа перевода собственных имен: транслитерация, транскрипция, транспозиция и калькирование.

Транслитерация (лат. *trans* – сквозь, через и *littera* – буква) – передача иноязычных слов (преимущественно собственных имен и географических названий) в соответствии с их написанием в языке-источнике путем замены букв одной письменности буквами другой [3, с. 708]. Например, нем. Schiller – рус. Шиллер. Имеется несколько разновидностей транслитерации: 1) строгая: замена каждого знака исходного текста только одним знаком другой письменности (а → a, б → b, в → v); 2) ослабленная: замена некоторых знаков исходного текста сочетаниями букв или более знаков другой письменности (ж → zh, венг. zs, ч → ch, венг. cs); 3) расширенная: представление некоторых сочетаний звуков исходного текста особым образом (ый → y).

Допустима и реально имеет место практика прямого переноса имени, т. е. написания его латинскими буквами. В западноевропейских языках имена собственные, заимствуемые из одного языка в другой, как правило, не меняют орфографию, так удобнее читателям.

Транскрипция (лат. *transcription* – переписывание) – передача иноязычных собственных имен, географических названий и терминов в соответствии с их произношением в языке-источнике, например, фамилия Shakespeare передается на русский язык как Шекспир [3, с. 707]. Транскрипция бывает научная и практическая. Научная транскрипция применяется в лингвистических исследованиях речи, может быть двух типов: фонетическая (точная передача звукового состава слов с отражением места ударения и позиционного варьирования) и фонематическая (передача фонемного состава слов без учета позиционных изменений фонем). Транскрибированные имена собственные наряду с остальными реалиями являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме. Например, испанское слово, даже будучи записанным кириллицей, остается испанским словом и не теряет своего национального колорита. Испанские имена Nicolas, Andres, совсем похожие на русские Николая и Андрея, не становятся обрусевшими под пером переводчика и переводятся как Николас и Андрес.

Транспозиция – принцип этимологического соответствия. Он заключается в том, что имена собственные в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга. Принцип

транспозиции чаще используется в русско-английских соответствиях, однако в особых случаях, и относится он, как правило, к историческим и библейским именам.

К калькированию прибегают в тех случаях, когда слово языка подлинника не имеет соответствия в языке перевода, но семантическая основа переводимой лексической единицы может быть понята носителем другого языка. Калька (франц. *calque*) – слово или выражение, образованное путем копирования морфологической структуры или смысла иноязычного слова, выражения [3, с. 295]. В кальке из исходного языка заимствуется значение, а внешняя, звуковая форма слова или оборота принадлежит заимствующему языку, например, Зимний дворец – Winter Palace. Калькированию больше всего поддаются сложные слова.

«Масторава» в поэтической форме показывает, как жил, о чем думал и к чему стремился народ в минувшие времена. Через художественные образы его героев воспроизводится культура, обычаи и традиции эрзян и мокшан, их борьба за национальную независимость на протяжении многих веков. Эпос повествует о сотворении мира, о сотворении человека, о возникновении земной и небесной семьи, об избрании правителя народа, о борьбе мордовского этноса с иноземными завоевателями и о многом другом.

Выход в свет «Масторавы» в 1994 году был воспринят однозначно доброжелательно. В эпосе на первом месте находится искусство содержания, ибо эпос есть повествование о важнейших переломных событиях в истории народа. В 2003 году «Масторава» издана на русском языке в переводе автора. Эрзянский и русский тексты эпоса демонстрируют поэтическое мастерство писателя. При переводе на русский язык стояла задача добиться текстовой и поэтической идентичности произведения в его двух ипостасях. Она осложнялась тем, что перевод следовало сделать построчный – строка в строку, размер в размер, интонация в интонацию.

Практика показывает, что в настоящее время связи мордовских «мастеров слова» с писателями других братских народов заметно расширяются и укрепляются, благодаря чему и возрастает количество переводов с мордовских языков на другие языки. В 2010 году мордовский эпос «Масторава» издан в Венгрии на венгерском языке. С эрзянского языка на венгерский перевод сделан Марией Дуганчи, которая взяла на себя смелость показать, передать «картину мира» из одной культуры в другую. Это колоссальный труд, который вызывает глубокое уважение, т. к. чтобы сделать правильный перевод, нужно обладать знанием обоих языков.

«Масторава» в оригинале и в переводе состоит из пяти частей: 1. «Пазонь пинге» / «Az istenek ideje» 'Век богов'; 2. «Кезэрень пинге» / «Régi idők» 'Древний век'; 3. «Тюштянь пинге» / «Tyustya ideje» 'Век Тюшти'; 4. «Ятонь пинге» / «Az ellenség ideje» 'Век врагов'; 5. «Од пинге» / «Új idő» 'Новый век'.

Основными персонажами «Масторавы» являются боги и герои. По мнению Е. А. Федосеевой, всего в «Мастораве» 254 символа: богов – 57, богов зла – 4, вестников Инешкипаза – 5, героев – 21, персонажей – 115, стран – 7, народов – 8, князей, ханов, царей – 5, рек – 5, населенных пунктов – 11, волшебных предметов – 6, птиц – 10 [4, с. 190]. Представленный перечень иллюстрирует богатство эпоса действующими лицами, событиями, сюжетами. В данной статье мы рассмотрим специфику перевода имен людей (героев) и названий животных с эрзянского языка на венгерский. Для более полного раскрытия содержания переводов мы сделаем и механический, т. е. подстрочный перевод (пословный или дословный перевод).

В первую часть «Пазонь пинге» / «Az istenek ideje» («Век богов») входят мифы о сотворении земли и небесного свода, о рождении богов и богинь, о сотворении человека, о трех рыбах, несущих на своих спинах землю, о возникновении эрзянского народа, о зарождении устоев жизни, обычаев и обрядов.

В предисловии «Масторавы» говорится: «*Килеенть прясто ваны Пазнармунь, / Ваны Пазнармунь, сон Иненармунь*» [2, с. 9]. Здесь речь идет о Великой птице – божественной птице, исполнительнице воли Инешкипаза. На венгерский язык данная часть переводится следующим образом: *A nyírfa tetején ül az Égmadár, / Isten madara, égi Nagymadár* ‘На макушке березы сидит Божественная птица (букв. «небесная птица», *ég* – небо), небесная Великая птица (букв. *nagy* – большой, крупный)’. В данном переводе наблюдается применение синонимов: **Égmadár** – **Nagymadár** и использование калькирования: **Иненармунь** – **Nagymadár**.

Повествование в эпосе «Масторава» начинается сказанием об Инешкипазе, сотворившем землю. Далее в сюжете «Колмо калават» / «A három hal» («Три рыбы») рассказывается о том, что земля, сотворенная Инешкипазом, покоится на поверхности океана. Для ее поддержки Творец пускает в воду три рыбы: *Иневедентень нолдась колмо калт, / Колмонест калтнэ мазый калават... / Арасть масторонть колмо ужава / Колмо стакань сын, калтнэ, кирдеме, / Колмо стакань сын, калтнэ кандомо* [2, с. 22-23] ‘В Великую воду отпустил он (Инешкипаз) три рыбы, Три красивые рыбы... и стали они по трем сторонам света три тяжести держать, три тяжести нести’. Данному отрывку соответствует эквивалент на венгерском языке с указанием еще и на то, что это три большие рыбы: *Három nagy halat bocsájt a vízbe: / Mindhárom nagy hal, gyönyörű szép hal, / ezek a halak, testvér-nővérek... / Három sarka van ennek a Földnek / a három súlyt ők, a halak tartják, / a három súlyt ők, a halak hordozzák* [5, с. 24-25]. В данном переводе, на наш взгляд, не совсем точно употреблено венгерское слово *sarok*. В «Венгерско-русском словаре» данное слово имеет следующие значения: 1) пятка, 2) каблук, 3) угол, 4) петля [1, с. 654]. В эрзянской

части говорится, что рыбы расположились по трем сторонам света: восток, юг и запад. Возможно, в венгерской части более удачным было бы использование вместо слова *sarok* другого – *földrész*, что означает «часть света».

Сотворив человека (мужчину – *az Ember*): *Мон васня Эрзя теян мастор лангс* [2, с. 28] ‘Сначала я Эрзю на землю сделаю’, Инешкипаз создает женщину – Аву (*az Asszony*), приводит ее к Эрзе, благословляет жить и растить детей.

Эрзяне и мокшане верили в близкие отношения богов с людьми. Боги сходили на землю, соединялись с девушками и уносили их на небо. И наоборот, земные парни женились на дочерях небесных богов. У них рождались дети. Ёндоппаз нашел себе спутницу жизни среди людей: *Кувать а кувать эрякинось / Литова Ёндолонь полакс, / Кувать а кувать аштекинесь / Литова Ёндолонь вастакс...* [2, с. 57] ‘Долго ли была Литова женой Ёндола, долго ли пребывала она женой Ёндола...’. *Sokáig, nem sokáig élt / Villám felesége Litova, / Sokáig, nem sokáig volt / a Villám asszonya Litova* [5, с. 56]. При переводе собственного имени Литова использовалась транслитерация, ее строгая разновидность. Необходимо отметить, что таким же образом переведены и следующие персонажи:

Азравка – **Azravka**, земная женщина, которая нашла себе достойного мужа среди богов: *Сырнень умарь тейтерь эйде, / Менелев азозь Азравка...* [2, с. 79] ‘Девушка, как золотое яблоко, обещанная небу...’ / *Aranyalma kisleányka, / égi gazda, szép Azravka* [5, с. 78];

Цеця – **Ceca**, девушка-сирота: *Сайнесь од ава Цецянь тетязо...* [2, с. 97] ‘Взял новую жену отец Цеци...’ / *Ceca apja vett egy mostohát, / táplálója haragos nőt talált* [5, с. 97];

Андямо – **Angyamo**, охотник-рыболов: *Арси Андямо мартост (Равава, Раватя) кортамо...* [2, с. 103] ‘Надумал Андямо с ними (Рававой, Раватей) поговорить’ / *Beszélni akar Angyamo velük...* [5, с. 103];

Кудадей – **Kudadej**, герой-богатырь, основатель эрзянского племени: *Чачтсь цёра тьяка саень полазо (Суралянь)...* / *Кудадей макснесть лем цёрыненень...* [2, с. 130] ‘Родила сына жена Сураля... / Кудадеем называли его...’ / *Kudadej nevet kapta a fiú...* [5, с. 129];

Мазай – **Mazaj**, жена Тёкшоня: *Сыргась васолонь кив Тёкшонь туеме, / Низэ, Мазай, ушодсь кувсезь лайишеме* [2, с. 148] ‘Собрался Тёкшонь в дальнюю дорогу, Жена его, Мазай, начала причитать...’ / *Készül már Tyoksony a messzi útra, / asszonya, Mazaj, sóhajtván siratja...* [5, с. 145];

Дуболго – **Dubolgó**, могучий пахарь: *Неить (атятне) – од аля Дуболго...* / *Кемгавтово изамосо уманть эйсэ соки-изы...* [2, с. 162] ‘Смотрят (старики) – молодой парень Дуболго... Двенадцатью боронами пашет землю’ / *Nézik – jó ifjú Dubolgó... Tizenket ekével szánt, / Tizenkettővel boronál* [5, с. 160] и др.

При помощи ослабленного вида транслитерации, т. е. замене некоторых знаков исходного текста сочетаниями букв или более знаков другой письменности (например, ж – венг. zs, ч – венг. cs) переведены следующие герои и персонажи: **Мельседей** – **Melszegyej** (с – sz), парень который взял в жены младшую дочь Инешкипаза – Везорго: *Цѣрась паро, Мельседеесь, / Алясь паро Мельседеесь* [2, с. 75] ‘Хороший парень Мельседей’ / *Derék legény Melszegyej, ügyes ifjú Melszegyej* [5, с. 74];

Нуждалей – **Nuzsdalej** (ж – zs), богатый мужчина, отец трех дочерей: *Цѣрась пек сюнав Нуждалей... Ансяк чанстькезэ аламо...* [2, с. 86] ‘Богатый мужчина Нуждалей, только обделенный счастьем...’ / *Gazdag jó emder Nuzsdalej, / Csak kevés a boldogsága...* [5, с. 86];

Сурай – **Szuraj** (с – sz), сын Андямо и Цеци, обещанный Рававе: *Чопода виртнес Сурай пачколось...* [2, с. 106] ‘К дремучим лесам подошел Сурай’ / *Sötét erdőbe érkezett Szuraj* [5, с. 86];

Сураля – **Szuralja** (с – sz), охотник, добывающий чудесный березовый короб: *Сураля эри Равлей велесэ...* [2, с. 108] ‘Сураля живет в деревне Равлей...’ / *Ravlej faluban lakott Szuralja...* [5, с. 108];

Сэняша – **Szenyasa** (с – sz), семиглавая змея, мать Миняши: *Те шкастонть Сэняша тукинось якамо – / Сыргакинось гуйава лисьма ванома* [2, с. 151] ‘В это время Сэняша гуляла, собралась змея колодец посмотреть’ / *Szenyasa közben elment sétálni, / a sárkányanya a tavat megnézni* [5, с. 149];

Сабан – **Szaban** (с – sz), могучий богатырь, присурский эрзя: *Сабан яла вадря цѣра, Свал пек паро виев аля* [2, с. 164] ‘Сабан – хороший парень, сильный молодец’ / *E helyen él Szaban, a hős* [5, с. 161];

Паксине – **Pakszinye** (с – sz), жена Тюшти: *Паксине паро тейтересь-мазыйчись, / Паксине мазый тейтересь-парочись* [2, с. 206] ‘Красивая девушка Паксине, хорошая девушка Паксине’ / *Pakszinye gyönyörű, Pakszinye szép leány* [5, с. 203] и т. д.

Некоторые имена героев и названия персонажей транскрибированы. Таким образом переданы: **Финатей** – **Finatyej**, старик-волшебник: *Коданя ведун Финатей ливтясь, / Коданя кудов-чив Финатей совась* [2, с. 106] ‘Как прилетел волшебник Финатей, как зашел домой Финатей’ / *Mikor Finatyej varázsló megjött, mikor Finatyej a házba bement* [5, с. 106];

Тёкшонь – **Tyoksony**, великий воин, победивший змея Миняша: *Удалакинось Тёкшонь рунгова-сэрьга, / Удалакинось валдо сельмень варишавтка* [2, с. 147] ‘Удался Тёкшонь ростом, удался взглядом’ / *Tyoksony teste, termite gyönyörű, fényes szeme nézése gyönyörű* [5, с. 145];

Тюштя – Tyustya, царь эрзи и мокши: *Тюштя эри ине ёв чиресэ, / Тосо кирди сон нардев кудот-чить* [2, с. 181] ‘Тюштя живет на берегу большой реки, там он имеет дома’ / *Folyó partján él jó Tyustya... ott tartja ő háza-népét* [5, с. 179];

Мазярго – Mazjargo, девушка-красавица, шьющая чудесные рубашки и полотенца: *Велесэнтэ эри Мазярго, / Ашти мазыйчи Мазярго* [2, с. 254] ‘В деревне живет Мазярго, красавица Мазярго’ / *A faluban él Mazjargo, ott él gyönyörű Mazjargo* [5, с. 249].

Куляша – Kuljasa, девушка, заживо погребенная под строящийся город: *Куляша мазый тейтересь, / Куляша паро тейтересь* [2, с. 280] ‘Куляша – красивая девушка, Куляша – хорошая девушка’ / *Kuljasa ifjú szép leány, Kuljasa kedves jó leány* [5, с. 276];

Лютова – Ljutova, нелюбимая дочь родителей: *Сех а вечкевикс ульнесь Лютова, / Сех прябезарьксэсь ульнесь Лютова* [2, с. 293] ‘Самой нелюбимой была Лютова, она была головной болью родителей’ / *Kit nem szerettek, az Ljutova, / A fölösleges lányuk Ljutova* [5, с. 288] и др.

Не совсем точно, на наш взгляд, транскрибировано собственное имя Пичай (Picaј), мокшанский парень: *Теде, Пичай, иля пеле, / Теде тон иля тандале* [2, с. 83] ‘Этого, Пичай, не бойся, этого не пугайся’ / *Attól, Picaј, te ne félj...* [5, с. 83]. Возможно более точной была бы подача данного имени ослабленной транслитерацией, при замене эрзянского ч венгерским cs.

Полукальку мы наблюдаем в названиях следующих персонажей: **Мазый Дамай – Szép Damaj**, парень-сирота: *Мазый Дамай од алянтэ лемезэ...* [2, с. 65] – *Szép Damaj a legénynek neve*

Кроме Иненармуня, трех рыб в эпосе встречается много других персонажей. Постоянно присутствуют в «Мастораве» старейшины и народ как ее основные безымянные персонажи. Способом калькирования переведены:

Ашо Локсей – Fehér hattyú, исполнитель поручений Инешкипаза: *Ашо Локсей неизе-редизе (Мастораванть), / Пазонь нармунесь сонзэ кевкстизе...* [2, с. 46] ‘Белый Лебедь увидел Мастораву, божественная птица спросила ее’ / *A fehér hattyú látta-észlete, Isten madara tőle kérdezte* [5, с. 47];

Ривезь – Róka, сваха Мазый Дамая, женящая его на дочери Пурьгинепазы: *Ривезь мольсь, мольсь – Пурьгиненень пачкодсь...* / *Кармась тейтерензэ сон чиямо* [2, с. 67] ‘Лиса шла, шла, добралась до пурьгинепазы, стала его дочь сватать’ / *Mendégelt a róka – elért Purginéhez...* [5, с. 66];

Тумоатякш – Sas, человек-птица, дарящий Сурале чудесный березовый короб за свое спасение: *Нилеце чистэ сон (Сураля) чувто прясто / Несь Тумоатякш покш, кода ракша* [2,

с. 109] ‘На четвертый день Сураля на дереве увидел большого орла, как животное’ / *A negyedik nap egy fa tetején / meglátott egy sast, hatalmas madarat* [5, с. 109];

Сисем атят – **a hét örege**, отправившихся на поиски человека, способного стать царем: *Сисем велень сисем атят*, / *Эрямонь лувонь содыцят* [2, с. 158] ‘Семь старейшин из семи сел знают жизнь...’ / *Hét falunak hét örege, az életet jól ismerők* [5, с. 156];

Колмо цянавт — **Három fecske**, вестницы Инешкипаза: *Вана верьга ливтить колмо цянавт*, / *Васолдонь кулят Тюштянень кандыть* [2, с. 182] ‘Высоко летят три ласточки, дальние вести они несут Тюште’ / *Három fecske száll az égen, Tyustyának hírt hoznak szépen* [5, с. 180];

Инегуйть – **A sárkányok**, которых убивает Тюштя: *Гуесь чавозель, тевесь прыдозель*, / *Тюштя пулодо ятонть саузе* [2, с. 194] ‘Змеи были убиты, дело сделано, Тюштя врага взял за хвост’ / *A sárkány kimúlt, Tyustya a gonoszt, farkánál fogva a mélybe dobta* [5, с. 190];

Инегуйават – **A sárkánynők**, жены убитых змей: *Чарьколесь Тюштя: те инегуень аватне пуромсть вейсэ кудонть* / *Превень таштамо, кежень пандомо* [2, с. 194] ‘Догадывался Тюштя, что это жены убитых змей собрались мстить’ / *Megérti Tyustya: ezek sárkányok, összegyűltek a nők a házban bosszút forralni és tanácskozni* [5, с. 191].

Необходимо отметить, что в «Мастораве» наряду с персонажами значительное место отводится странам и землям: Эрзянь Мастор / *Az erzának földje*, Мокшонь мастор / *A moksának földje*, Рузонь мастор / *Az oroszoknak földje*, Ятонь мастор / *Az ellennek*; *народам*: эрзя / *erzák*, мокша / *moksák*, буртасы / *besenyők*, татары / *tatárok*, русские / *oroszok*; *рекам*: Рав / *Volga*, Сура / *Szura*, Клязьма / *Kljazma*; *населенным пунктам*: Ордат / *Ordat falu*, Пургаз / *Purgaz falu*, Эрмуш / *Ermus falu*, Прундаз / *Prundaz falu*, Москва / *Moszkva*, Казань / *Kazány város*, Клязьма / *Kljazma város* и т. д.

Как мы уже отметили, в эпосе встречается огромное количество персонажей. Это герои, боги, божества. Считается, что имена собственные «переводятся» как бы сами собой, автоматически. Однако это не так. Мы столкнулись с целым рядом трудностей. В переводоведении существует четыре способа перевода собственных имен: транслитерация, транскрипция, транспозиция и калькирование. Изучив данные способы, и применив их на практике, мы пришли к выводу, что собственные имена чаще транскрибируются, транслитерируются и подвергаются калькированию. Необходимо отметить, что большинство названий все же переведено с эрзянского на венгерский язык: Масторава – *Földanya*, Вармава – *Szélanya* Вириява – *Erdőanya*, Велява – *Faluanya*. Интересным, на наш взгляд, явились следующие переводы: Мазый Дамай – *Szép Damaj*, Сювата – *Pelyva atya*, Телятя –

Télatya, Кизатя – Nyáratya, первая часть которых подверглась переводу, а вторая – передана с эрзянского языка без изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгерско-русский словарь. Magyar-ország szótár. – М; Будапешт: Русский язык; Изд-во Академии наук Венгрии, 1974. – 872 с.
2. Масторава: Эрзянь ды мокшонь кезэрень пингень мифтень, эпической моротнень ды ёвтамотнень коряс сёрмадызе А. М. Шаронов. – Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 1994. – 492 с.
3. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 1998. – 846 с.
4. Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 210 с.
5. Masztorava. Erza és moksa népköltészeti anyag feldolgozásával írta Alekszandr Markovics Saronov / Erza mordvinból fordította Dugántsy Mária. – Budapest, 2010. – 494 old.

АРХИПОВА О. И., БОРИСОВА О. Г.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ
В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются лексические и грамматические средства выражения эпистемической возможности в финском языке. Основным грамматическим средством выражения возможности является потенциальное наклонение. Лексические средства выражения возможности представлены модальными глаголами, наречиями и частицами.

Ключевые слова: модальность, эпистемическая возможность, потенциальное наклонение, модальный глагол, финский язык.

ARHIPOVA O. I., BORISOVA O. G.

**LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING EPISTEMIC POSSIBILITY
IN FINNISH LANGUAGE**

Abstract. The article considers lexical and grammatical means of expressing epistemic possibility in the Finnish language. In this connection, the basic grammatical means is the potential mood. Lexical means include modal verbs, adverbs and particles.

Keywords: modality, epistemic possibility, potential mood, modal verb, Finnish language.

К числу важнейших языковых категорий, с помощью которых человек упорядочивает полученные знания о мире и о себе, относится категория модальности. Понятие модальности было заимствовано из логики и является одной из самых сложных и дискуссионных объектов лингвистического исследования. Ей дано множество определений.

Согласно определению «Большой грамматики финского языка» [6], модальность – это семантическая область, в которой речь идет о фактах, достоверности осуществления действия, заявленных прогнозах. Говорящий в этих случаях указывает является ли положение дел, по его мнению, общим, необходимым, вероятным, возможным, неопределенным или невозможным, обязательным или допустимым, желательным или нежелательным, зависит ли оно от внешних или внутренних условий [6, с. 1551].

Модальность рассматривается с позиций реальности и ирреальности. Модальность реальная (действительная) означает, что содержание высказывания, с точки зрения говорящего лица, отражает объективную реальность: говорящий излагает сообщаемое как достоверный и реальный факт. Модальность ирреальная (недействительная), напротив, означает, что субъект излагает сообщаемое как желаемое, возможное, сомнительное, предположительное, т. е. как нереальное.

Среди модальных значений важное место занимает эпистемическая модальность (или модальность достоверности, истинности), в семантике которой отражаются знания говорящего об информации и его отношении к ней с точки зрения ее достоверности [5]. Эпистемическая модальность отражает мнение говорящего относительно возможности или обязательности совершения действия. Основными составляющими в семантике эпистемической модальности являются понятия достоверности и вероятности. Эпистемическая модальность также отражает степень полноты и характер знаний говорящего о событии.

Эпистемическая модальность реализуется через категории эпистемической необходимости или эпистемической возможности. В коммуникативной ситуации она выполняет определенные прагматические функции, и, поэтому не свойственна побудительным предложениям и местоименным вопросам, т. к. они не ставят своей целью установление истинности сообщаемой информации. С наибольшей регулярностью эпистемическая модальность встречается в повествовательных предложениях.

Как отмечает Р. Р. Ахунзянова, в современной лингвистике отсутствует однозначное мнение относительно категориального статуса модальности, в частности, модальность рассматривается как синтаксическая, грамматическая, логико-грамматическая, понятийная, семантическая, семантико-прагматическая, функционально-семантическая категория, а лингвистические взгляды на эпистемическую модальность носят весьма разнородный характер [1, с. 9].

Одним из аспектов выражения эпистемической модальности является категория возможности.

Семантика возможности выделяет четыре основных значения: внутренняя, внешняя, деонтическая и эпистемическая возможность [4]. В финской академической литературе выделяют динамическую (*dynaaminen*), деонтическую (*deontinen*) и эпистемическую (*episteminen*) модальность [6, с. 1554, 1556].

Внутренняя возможность представляет собой свойства участника ситуации, его умения, способности и физические возможности, например: *Minä voim tehdä, mitä minä haluan* ‘Я могу (имею возможность) делать, что я хочу’; *Luuletko, että sinä mahdat meille mitään?* ‘Ты думаешь, что ты можешь сделать нам что-нибудь?’; *Minä pystyn tähän työhön* ‘Я способен на эту работу. Я могу делать эту работу’; *Minä jaksan nostaa sinut vaikka yhdellä kädellä* ‘Я могу поднять тебя даже одной рукой’; *Minä osaan ratkaista tällaiset ongelmat* ‘Я могу (умею) решать такие проблемы / я способен на это’.

Под внешней возможностью имеются в виду внешние обстоятельства, окружающая обстановка, среда, позволяющие участнику ситуации осуществить действие, описанное в

предложении, например: *Pekkä ehtii varmasti tehdä sen* ‘Пекка успеет, наверняка, сделать это’; *Ehdittekö te auttaa minua?* ‘Вы имеете возможность помочь мне?’; *Mahtuvatko ne kengät sinun jalkoihisi?* ‘Эти ботинки оказались тебе впору?’.

Частным значением внешней возможности является деонтическая возможность (возможность разрешения), которая определяется как позволение или запрещение, обусловленное моральными или общественными нормами, например: *Täällä ei saa tupakoida* ‘Здесь нельзя курить’.

Рассмотрим подробнее эпистемическую возможность. Под эпистемической модальностью подразумевается оценка говорящим степени вероятности осуществления ситуации. Эпистемическая возможность связана с субъективным представлением участника ситуации о действительности и связана с недостаточной осведомленностью говорящего о происходящем, с его неуверенностью в результате действия. Определяя что-либо как возможное, говорящий допускает равновероятную альтернативу того, что это может быть, а может и не иметь место при определенных условиях, то есть речь идет о равновероятной истинности или ложности наличия связи между предметом и приписываемом ему признаком [1, с. 10]. Семантика эпистемической возможности изучается также с позиций значений неуверенности, сомнения, средней или низкой степени достоверности осуществления действия, связанного с ограниченностью знаний говорящего. Возможность неразрывно связана с понятием вероятности, которое выступает как количественная мера возможности.

Возможность в финском языке может выражаться посредством лексико-грамматических средств. К таковым относятся потенциальное, или возможностное наклонение (*potentiaali*), модальные глаголы (*modaaliverbit*), частицы и наречия (*adverbit*), имеющие семантику возможности. Рассмотрим их подробнее.

Глагольная потенциальная форма (*potentiaali*) выражает, что действие (событие), по мнению говорящего, произойдет с большой долей вероятности, но все-таки не наверняка. Потенциал выражает предположение, возможность, сомнение, неуверенность, вывод, т. е. потенциал показывает возможность совершения действия. Показателем потенциала в финском языке является суффикс *-ne/-nne-*, который, присоединяясь к лексической основе глагола, образует основу возможностного наклонения.

Потенциал имеет две формы времени: презенс (выражает настоящий или будущий момент) и перфект (форма прошедшего времени). В обоих временах имеется активная и пассивная форма.

Презенс потенциала актива, или действительного залога, образуется путем присоединения к основе инфинитива суффикса *-ne/-nne-*, например: *ostanen* ‘я, возможно, куплю’, *ostanet* ‘ты, возможно, купишь’, *hän ostanee* ‘он/она, возможно, купит’, *en ostane* ‘я,

возможно, не куплю’, *he lukenevat* ‘они, возможно, читают’, *he eivät lukene* ‘возможно, они не читают’; *Pekka lähtenee matkalle* ‘Пекка, возможно, отправится в дорогу’. У двухосновных глаголов (3-ий, 4-ый, 5-ый, 6-ой типы) суффикс *-ne-* присоединяется к согласной основе и ассимилирует с ним, например: *tulla* ‘прийти’ – *tullen* ‘возможно, приду’, *tullet* ‘возможно, придешь’, *hän tullee* ‘возможно, он придет’; *Hän tullee illalla kotiin* ‘Он, возможно, вечером придет домой’.

Презенс потенциала пассива образуется в зависимости от типа глагола путем прибавления к основе 1-го лица или основе инфинитива сложного суффикса *-(t)taneen / -(t)täneen*, например: *lukea* ‘читать’ (1-ый тип глагола) – *minä luen* ‘я читаю’ – *luettaneen* – ‘возможно, прочтут / прочтем’, *tehdä* ‘делать’ (2-ой тип глагола) – *teh-* (основа инфинитива) – *tehtäneen* ‘возможно, сделают / сделаем / сделается’.

Отрицательная форма образуется путем прибавления отрицательной частицы *ei* и выпадения из формы потенциала окончания *-en*. Например: *ostettaneen* ‘может, купят’, *ei ostettane* ‘наверное, не купят’.

Перфект потенциала актива образуется при помощи слова *lienee*, это супплетивная форма вспомогательного глагола *olla* ‘быть’, которая спрягается по лицам. Затем к основе глагола прибавляется причастие с суффиксом *-nut / -nyt / -neet / -nneet*: например: *lienen kertonut* ‘возможно, я рассказал’, *lienet kertonut*, ‘возможно, ты рассказал’, *hän lienee kertonut* ‘возможно, он рассказал’ и т. д. *Lienen kertonut sinulle asiasta* ‘Я, наверное, рассказывал тебе о деле’.

Отрицательная форма образуется путем добавления отрицательной частицы *ei*, склоняющейся по лицам, например: *En liene ostanut* ‘Я, наверное, не купил’. *Emme liene tavanneet aikaisemmin* ‘Мы, наверно, не встречались раньше’.

Перфект потенциала пассива образуется с помощью вспомогательного глагола *olla* ‘быть’ в супплетивной форме *lienee* + основа 1-го лица глагола + причастие пассива с суффиксом *-tu / -ty, -ttu / -tty*, например: *lienee ostettu* ‘наверное, было куплено’.

Отрицательная форма образуется путем добавления отрицательной частицы *ei*, например: *Susia ei liene nähty näillä seuduilla* ‘Волков, наверное, не видели в этих краях’.

Вопросительные предложения, имеющие в своей семантике сомнение или некоторую осторожность, могут содержать в себе формы возможностного наклонения, например: *Kuka sen tehnee?* ‘Кто бы мог это сделать?’; *En tiedä mitä he tehnevät* ‘Не знаю, что бы они могли сделать’.

Следует отметить, что потенциал – это редко употребляемое наклонение. Оно практически не используется в разговорной речи. Его легко заменить, употребляя изъявительное наклонение (индикатив) вместе с некоторыми лексемами. По степени

вероятности и возможности совершения действия эти лексемы можно разделить на следующие группы:

1. Лексемы с наибольшей степенью вероятности совершения действия: *luultavasti* ‘вероятно’, *todennäköisesti* ‘вероятно’, *ilmeisesti* ‘очевидно’, *varmaankin* ‘наверняка’, *melko varmasti* ‘почти наверняка’.

2. Лексемы с меньшей степенью вероятности совершения действия: *kai* ‘наверное, возможно’, *ehkä* ‘возможно, пожалуй, может быть’, *kenties* ‘возможно’, *mahdollisesti* ‘возможно’. Лексемы *ehkä*, *kai* ja *kenties* очень близки по значению. Более литературной принято считать лексему *kenties*, которая употребляется, как правило, в конце предложения, например: *Ne ovat seisseet paikallaan satoja vuosia, kenties vuosituhansia* ‘Они стоят на своих местах сотни лет, а возможно, и тысячи’; *Eurooppalaisten kielten lisäksi pitäisi ehkä myös olla mahdollista opettaa kiinaa, japania ja arabiaa* ‘Кроме европейских языков, стоит, возможно, обучать китайскому, японскому и арабскому’; *Ehkä olet oikeassa* ‘Возможно, ты прав’; *Ehkäpä sadetta ei tulekaan* ‘Возможно, дождя не будет’; *Pitää kai lähteä* ‘Наверное, следует уйти’; *Tulee kai sade* ‘Наверное, будет дождь’. Относительно лексемы *kai* ‘наверное, возможно’ стоит отметить, что она часто употребляется с отрицательной частицей *ei*: *Ei kai kukaan kaipaa sinne takaisin?* ‘Навряд ли кто-то хочет обратно туда’; и она не встречается в вопросительных предложениях, если там не употребляется форма 2-го лица, например: *Ainoat lapset kasvavat usein kummallisiksi, kai sinä sen tiedät?* ‘Единственный ребенок часто вырастает странным, ты, возможно, ведь, знаешь это?’. В функции модальной частицы в вопросительных предложениях может выступать супплетивная форма глагола *olla* ‘быть’ *lienee* (lie-), например: *Mitä lie siellä tapahtuu?* ‘Возможно, там что-то происходит?’.

Семантика эпистемической возможности может передаваться и с помощью некоторых модальных глаголов. Финский ученый Хейкки Кангасниemi выделяет в финском языке 14 модальных глаголов: *voida*, *saada*, *saattaa*, *sopia*, *taida*, *mahtaa*, *pystyä*, *kyetä*, *päästä*, *pitää*, *täytyä*, *tulla*, *joutua*, *tarvita* [7, с. 291]. Следующие четыре глагола определены как глаголы, выражающие, в основном, эпистемическую возможность: *voida*, *saattaa*, *taida*, *mahtaa* ‘мочь, возможно, что’, например: *Sinne voi soittaa* ‘Туда можно позвонить’; *Saattaa olla, että...* ‘Может быть так, что...’; *Voi hyvinkin olla, etten muutamaa viikkoon pysty ajamaan* ‘Вполне может быть, что несколько недель я не смогу водить машину’; *Suomi saattaa tänä vuonna hyvinkin olla se Pohjoismaa, jossa inflaationvauhti on korkein* ‘Возможно, что Финляндия в этом году станет той Северной страной, где рост инфляции будет самым высоким’. Употребление следующих модальных глаголов *taida*, *mahtaa* зависит от типа предложения, если предложение вопросительное, то употребляется глагол *mahtaa*, в повествовательных – глагол *taida*, например: *Mikähän mahtoi olla syynä (syu) siihen?* ‘Что могло бы быть причиной для

этого?»; *Millaista mahtaa olla Mumbaissa?* ‘Как там может быть в Мумбае?’; *Mikähän mahtaa olla tuo erite, josta muurahaiset ovat kiinnostuneita?* ‘Какие это могут быть выделения, которые так интересуют муравьев?’; *Minä taidan lähteä nyt ja tulla huomenna takaisin* ‘Я, возможно, сейчас уйду (уеду) и приду (приеду) завтра’; *Joku taitaa olla myöhästymässä töistä* ‘Кто-то, возможно / может быть, опаздывает на работу’; *Minä taidan vähän lukea lehteä keittiössä* ‘Я хочу, возможно, немного почитать газету на кухне’. Вопросительные предложения, содержащие глагол *mahtaa* являются риторическими или подразумевают, что спрашивающему известен вариант ответа. В вежливых вопросах употребляются глаголы *mahtaa* ja *sattuu*: *Mahtaako ~ sattuuiko Pekka olemaan kotona?* ‘Возможно ли, что Пекка дома?’

Модальность возможности также может выражаться сочетанием модального глагола и глагола *olla* ‘быть’, например: *voi ~ saattaa olla + että*, например: *Saattaa olla, että siihen tarvitaan veistä* ‘Вполне вероятно / может быть, что для этого понадобится нож’.

Таким образом, в финском языке эпистемическая возможность выражается лексическими и грамматическими средствами. К ним относятся потенциальное наклонение, наречия, частицы и модальные глаголы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахунзянова Р. Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 22 с.
2. Братчикова Н. С. Финский язык. Справочник по глаголам. – Минск: Живой язык, 2010. – 225 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Падучева Е. В. Вид, модальность и отрицание: корпусное исследование. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/arut_mod_asp_negation.pdf.
5. Швец В. М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dr2007/pdf/shvets_dr2007.pdf
6. Hakulinen A., Vilkkumäki M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T.-R., Alho I., Iso-suomen kielioppi. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. – 1600 s.
7. Kangasniemi H. Modal Expressions in Finnish. *Studia Fennica Linguistica* 2. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. – 418 p.

ВДОВИНА И. Н., ЧИНАЕВА Н. В.

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
ФИНСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье рассматривается медицинская терминология современного финского языка, выявляются способы ее образования и обогащения, дается классификация терминов по семантическим признакам.

Ключевые слова: финский язык, термин, медицинская терминология, исконное слово, заимствованное слово, классификация.

VDOVINA I. N., CHINAEVA N. V.

GENERAL CHARACTERISTICS OF FINNISH MEDICAL TERMINOLOGY

Abstract. The article deals with the medical terminology of the present-day Finnish language. The authors consider the ways of its formation and enrichment. The study presents a classification of medical terms based on the semantic principle.

Key words: Finnish language, term, medical terminology, native word, loan word, classification.

Как известно, термины в языке возникают в результате стремления языка к максимально сжатой и точной передаче информации, т. е. к такой точности, которая могла бы исключить возможность произвольного и субъективного ее толкования.

Функциональное назначение термина – служить средством его отождествления и различения в специальном языке, а также кратко, точно и однозначно выражать научное понятие. Для успешной реализации этой функции термин, представляющий собой единство формы, или звукового комплекса, и содержания, или значения (семантики), должен удовлетворять нескольким важным требованиям: 1) требование адекватности; 2) требование точности; 3) требование однозначности (моносемии); 4) требование однооформленности [1, с. 138-142].

Медицинская терминология – это язык, на котором общаются врачи различных специальностей. Он должен быть ясным для читателя и слушателя по отношению к понятиям. Наиболее приемлемыми для существования в медицинской терминологии следует считать те слова, которые приняты большинством специалистов, понятны всем и отражают суть явления или предмета. Смысловое значение того или иного термина в медицине только тогда становится всеобщим достоянием, когда оно зафиксировано точным термином, не допускающим различных толкований, простым, однозначным [2, с. 58-62].

Формирование современной медицинской терминологии связано не только с ее исходной лексической основой, и даже не только с содержанием соответствующих понятий, но и с теми социальными изменениями, которые происходят как в мире в целом, так и в отдельных странах, имеющих сложившиеся медицинские школы.

Медицинская терминология финского языка, как и других языков, обладает своими специфическими особенностями: 1) ее основу составляют заимствованные греко-латинские термины; 2) поскольку греко-латинские термины лежат в основе медицинской терминологии практически всех европейских языков, большинство медицинских терминов финского языка являются интернациональными.

Следует заметить, что финская медицинская терминология представлена весьма обширной исконной лексикой.

Классификация медицинских терминов представляет особый интерес. Данная процедура необходима и для процесса перевода в связи с необходимостью выбора наиболее подходящего эквивалента. Классификация любой терминологии, и медицинской, в частности, может значительно облегчить данный процесс.

По грамматическим особенностям медицинские термины финского языка можно разделить на следующие группы:

а) исконные (*maksa* ‘печень’, *silmäterä* ‘зрачок’, *punoitus* ‘краснота’, *nuhalääke* ‘лекарство от насморка’);

б) греко-латинского происхождения (*stomatiitti* ‘стоматит’, *odontologia* ‘одонтология’, *adenotomia* ‘аденотомия’, *skleroosi* ‘склероз’);

в) заимствованные из других языков (*malaria* [ит. *malaria*] ‘малярия’, *migreeni* [фр. *migraine*] ‘мигрень’, *shokki* [фр. *choc*] ‘удар’, ‘толчок’, *stressi* [англ. *stress*] ‘состояние напряжения’).

Многочисленную группу составляют сложные слова, включающие два компонента (*sairaanhoito* ‘медицинский уход’, *sappirakko* ‘желчный пузырь’, *silmätipat* ‘глазные капли’, *avomurtuma* ‘открытый перелом’). Для финского языка характерным является сочетание трех компонентов в одном слове (*apuneuvoteknikko* ‘специалист по обслуживанию медицинского инвентаря’, *ajanvarauskortti* ‘карточка для записи к врачу’, *sairausvakuutusmaksu* ‘страховая оплата при болезни’, *poskiontelontulehdus* ‘гайморит’, ‘воспаление придаточных носа’).

Сложные слова изучаемой области в финском языке могут состоять из следующих компонентов:

1. сущ. в генитиве + сущ. в номинативе (*sydämentahdistin* ‘кардиостимулятор’, *raskaudenkeskeytys* ‘прерывание беременности’);

2. прил. / причастие + сущ. в номинативе (*lyhytkirurgia* ‘амбулаторная хирургическая операция’, *paikallispuudutus* ‘местный наркоз’);

3. сущ. в номинативе + сущ. в номинативе (*leikkaussali* ‘операционный зал’, *limakalvo* ‘слизистая оболочка’, *keuhkotauti* ‘болезнь легких’, *hammassärky* ‘зубная боль’);

4. сущ. в генитиве + сущ. в номинативе + сущ. в номинативе (*ajanvarauskortti* ‘карточка для записи к врачу’, *sydäntautilääkäri* ‘кардиолог’, *sydänhermovika* ‘нервное расстройство сердца’, *ruuansulatuselimet* ‘органы пищеварения’);

5. сущ. в номинативе + существительное в номинативе + существительное в номинативе, т. е. сочетание трех одинаковых грамматических компонента в одном слове (*aivosähkötoiminta* ‘электрическая активность мозга’, *aivokalvontulehdus* ‘менингит’, *hammaslääketiede* ‘наука лечения зубов’ (стоматология), *sappikivitauti* ‘желчнокаменная болезнь’).

Для терминологических словосочетаний характерны следующие модели:

1. сущ. в генитиве + сущ. в номинативе (*Alzheimerin tauti* ‘болезнь Альцгеймера’, *eturauhasen liikakasvu* ‘аденома простаты’, *Suomen Lääkäriliitto* ‘Ассоциация врачей Финляндии’, *Basedowin tauti* ‘Базедова болезнь’);

2. сущ. в генитиве + сущ. в генитиве + сущ. в номинативе (*sydämen toiminnan vajaus* ‘сердечная недостаточность’, *hullun lehmän tauti* ‘болезнь бешеной коровы’, *korkean paikan kammo* ‘боязнь, высоты’);

3. прил. / прич. + сущ. в номинативе (*päivystävä lääkäri* ‘дежурный врач’, *psykiatrinen sairaanhoitaja* ‘психиатрическая медсестра’, *aktivoitu hiili* ‘активированный уголь’, *anafylaktinen sokki* ‘анафилактический шок’);

4. сущ. в генитиве + прил. + сущ. в номинативе (*selluliitin vastainen hieronta* ‘антицеллюлитный массаж’, *kuulon äkillinen heikkeneminen* ‘внезапное снижение слуха’).

Изучив финскую медицинскую терминологию, мы можем предложить следующую классификацию финских медицинских терминов. Примеры нами были отобраны из различных источников [3-8].

1. Болезни: *närästys* ‘изжога’, *paksusuolentulehdus* ‘колит’, *leikemia* ‘лейкемия’, *luukato* ‘остеопороз’, *mahahaava* ‘гастрит, язва желудка’, *migreeni* ‘мигрень’, *psykoosi* ‘психоз’, *psoriaasi* ‘псориаз’, *poskiontelontulehdus* ‘гайморит’, *polio* ‘полиомиелит’, *peräpukama* ‘геморрой’, *rohtuma* ‘оспа’, *reuma* ‘ревматизм’, *aids* ‘синдром приобретённого иммунодефицита (СПИД)’, *aivohalvaus* ‘церебральный паралич’, *aivokalvontulehdus* ‘менингит’, *aliravitsemus* ‘дистрофия’, *anoreksia* ‘анорексия’, *angiina* ‘ангина’, *anemia* ‘анемия’, *Alzheimerin tauti* ‘болезнь Альцгеймера’, *astma* ‘астма’, *bronkiitti* ‘бронхит’, *bulimia* ‘булимия’, *diabetes* ‘диабет’, *flunssa* ‘грипп’, *harmaakaihi* ‘серая катаракта’, *herpes* ‘лишай,

герпес', *hinkuyskä* 'коклюш', *kurkkumätä* 'дифтерия', *korvatulehdus* 'отит', *keltatauti* 'желтуха', *keuhkokuume* 'пневмония', *keuhkotauti* 'туберкулёз', *kihti* 'подагра', *karies* 'кариес', *jäykkäkouristus* 'столбняк', *isorokko* 'оспа', *infarkti* 'инфаркт', *syöpä* 'раковая опухоль', *sydämentykytys* 'тахикардия', *sokeritauti* 'диабет', *skitsofrenia* 'шизофрения', *sikatauti* 'свинка', *sydänvika* 'порок сердца', *ihotauti* 'дерматоз', *kaatumatauti* 'эпилепсия', *kaihi* 'катаракта', *HIV-virus* 'вирус ВИЧ', *dementia* 'деменция, слабоумие', *punatauti* 'дизентерия', *maksasairaus* 'болезнь печени', *mielisairaus* 'душевная болезнь', *munuaisairaus* 'болезнь почек', *nuha* 'насморк', *niveltulehdus* 'артрит', *naistentauti* 'женская болезнь', *sukupuolitauti* 'венерическая болезнь', *lastentauti* 'детская болезнь', *suolinkaistauti* 'аскаридоз', *kurkkukatarri* 'фарингит', *hiilipölykeuhko* 'антракоз', *kastelu* 'энурез', *keuhkopaise* 'абсцесс легкого', *aivopaise* 'абсцесс мозга', *viitaminipuute* 'авитаминоз', *korkeakalloisuus* 'acrocephalia', *alkoholismi* 'алкоголизм', *Downin oireyhtymä* 'болезнь (синдром) Дауна', *sidekalvotulehdus* 'конъюнктивит', *muistinmenetys* 'амнезия', *aneurysma* 'аневризма', *arytmia* 'аритмия', *taittovirhe* 'астигматизм', *askites* 'асцит', *hulluus* 'безумство', *verisyöpä* 'белокровие', *rabies* 'бешенство', *botulismi* 'ботулизм', *lavantauti* 'брюшной тиф', *vesirokko* 'ветряная оспа', *vesitauti* 'водянка', *verenpainetauti* 'гипертония', *tippuri* 'гонорея', *nisätulehdus* 'мастит', *luulosairaus* 'ипохондрия', *kuolio* 'гангрена', *kaukonäköisyys* 'дальнозоркость', *värisokeus* 'дальтонизм', *dermatiitti* 'дерматит', *rutto* 'чума', *hiivasienitulehdus* 'кандидоз', *kleptomania* 'клептомания', *kystiitti* 'цистит', *urtikaria* 'крапивница', *puutiaisaivokuume* 'клещевой энцефалит', *kierosilmäisyys* 'косоглазие', *sikaruusu* 'краснуха', *tuhkarokko* 'корь', *hämäräsokeus* 'куриная слепота', *tulirokko* 'скарлатина', *kieroselkäisyys* 'сколиоз', *partasieni* 'стригущий лишай', *kitarisatulehdus* 'тонзиллит', *keripukki* 'цинга', *maksakirroosi* 'цирроз печени', *keuhkotauti* 'чахотка', *haavainen koliitti* 'язвенный колит'.

2. Симптомы: *aamukahoinvointi* 'утреннее недомогание', *ahdistus* 'угнетённое состояние', *aivastus* 'чихание', *aivoverenvuoto* 'кровоизлияние в мозг', *ajettuma* 'припухлость, опухлость', *ajos* 'нарыв', *akne* 'угри', *arpi* 'рубец, шрам', *auringonpistos* 'солнечный удар', *avomurtuma* 'открытый перелом', *depressio* 'депрессия', *finni* 'прыщ', *haava* 'рана', *halvaus* 'паралич', *hankauma* 'протёртость, ссадина', *heikotus* 'слабость', *hikka* 'икота', *hikoilu* 'потение', *huimaus* 'головокружение', *ihottuma* 'сыпь', *ilmavaivat* 'газы', *järkytys* 'испуг, потрясение', *kipu* 'боль', *kohtaus* 'припадок, приступ', *kouristus* 'судорога, спазм', *kramppi* 'судорога', *krapula* 'похмелье', *kuolio* 'омертвление, некроз', *kutina* 'чесотка, зуд', *kuukautiset* 'менструация', *kuukautiskipu* 'боль при менструации', *kylkikipu* 'боль в боку', *käheys* 'хрипота', *känsä* 'мозоль', *levottomuus* 'беспокойство', *lihasrepeytymä* 'разрыв мышцы', *lihassärky* 'мышечная боль', *liikavarvas* 'мозоль', *lima* 'слизь, мокрота', *syylä* 'бородавка', *luunmurtuma* 'перелом', *makuuhaava* 'пролежень', *masennus* 'депрессия, подавленность', *murtuma* 'перелом', *mustelma* 'синяк, подтек', *myrkytys* 'отравление', *märkäpesäke* 'гнойник', *mätä* 'гной', *naarmu* 'ссадина, царапина', *niskajäykkyys* 'непоротливость шеи', *nivelkipu* 'боль в суставе', *nyrjähdys* 'вывих', *näppylä* 'прыщ', *oksennus* 'рвота', *kahoinvointi* 'недомогание,

тошнота', *paise* 'нарыв', *palohaava* 'ожог', *pelkotila* 'состояние страха', *kiihtynyt pulssi* 'учащённый пульс', *paniikki* 'паника', *normaali pulssi* 'нормальный пульс', *punoitus* 'краснота', *purema* 'укус, прокус', *pyörtyminen* 'обморок', *rakko* 'пузырь, волдырь', *rakkula* 'фолликул', *rasitus* 'устомление', *riippuvuus* 'зависимость', *rintakipu* 'боль в груди', *ripuli* 'понос', *ruhje* 'ушиб, контузия', *ruoansulatushäiriö* 'расстройство пищеварения', *rytmihäiriö* 'нарушение ритма', *sidekudostulehdus* 'воспаление соединительной ткани', *sivuvaikutus* 'побочное действие (влияние)', *sokki* 'шок', *stressi* 'стресс', *selkäkipu* 'боль в спине', *suonikohju* 'расширение вен', *synnytyspoltot* 'родовые схватки', *sydämen toiminnan vajeus* 'сердечная недостаточность', *syuhy* 'чесотка', *särky* 'боль', *sijoiltaanmeno* 'вывих', *hilse* 'перхоть, шелушение', *jälkitauti* 'осложнение', *kuume* 'жар, температура', *palpaatioarkuus* 'боль при пальпации', *välilihan alueen kipu* 'боль в области промежности', *korvasärky* 'боль в ухе', *alavatsakipu* 'боль внизу живота', *sydänalakipu* 'боль под ложечкой', *mahavaiva* 'боли в желудке', *lihaskipu* 'боли в мышцах', *nivelsärky* 'боли в суставах', *sydänkivut* 'боли в сердце', *tukkoinen nenä* 'заложенный нос', *polte* 'жжение', *hammassärky* 'зубная боль', *hysteria* 'истерика', *revähdys* 'разрыв', *venähdys* 'растяжение', *ärsytys* 'раздражение'.

3. Методы лечения: *avohoito* 'амбулаторное домашнее лечение', *desinfiointi* 'дезинфекция', *dieetti* 'диета', *laserhoito* 'лазерное лечение', *ehkäisy* 'применение противозачаточных средств', *hammasproteesi* 'зубной протез', *hoito* 'уход, лечение', *ilmoittautuminen* 'предварительная запись', *kotisairaanhoito* 'уход за больным на дому', *kuntoutus* 'восстановление здоровья', *kuulontutkimus* 'исследование слуха', *laitushoito* 'стационарное лечение', *laitospalvelu* 'стационарное обслуживание', *lastenneuvola* 'детская консультация', *desinfiointi* 'дезинфекция', *lääkärinkierto* 'обход врача', *lääkäripalkkio* 'оплата услуг врача', *mammografia* 'маммография', *neuvolatarkastus* 'профилактический осмотр в консультации', *nukutus* 'наркоз, наркотизация', *näöntutkimus* 'обследование зрения', *paikallispuudutus* 'наркоз местный', *parannus* 'лечение', *pisto* 'укол, инъекция', *puheterapia* 'речевая терапия', *pyyhe (pyyhkeet): kylmät pyyhkeet* 'холодные обтирания', *raskaustesti* 'тест на беременность', *rokotus* 'вакцинирование', *saattohoito* 'хосписный уход', *sairausturva* 'защита при заболевании', *sidonta* 'перевязка, повязка', *sädehoito* 'лучевая терапия, рентгенотерапия', *analyysi* 'анализ', *mahanhuuhtelu* 'промывание желудка', *parantolahoito* 'санаторное лечение'.

4. Инструменты, приспособления и оборудование: *alusastia* 'судно, подкладное судно', *ambulanssi* 'скорая помощь, машина скорой помощи', *atula(t)* 'пинцет, щипчики', *dosetti* 'коробка распределения лекарств', *hammasproteesi* 'зубной протез', *hätänumero* 'аварийный номер', *ilmoittautuminen* 'предварительная запись', *invataksi* 'такси для инвалидов', *kainalosauva* 'костыль', *katetri* 'катетер', *kelakortti* 'карточка социального страхования', *kierukka* 'спираль', *kipsi* 'гипс', *kondomi* 'презерватив', *kuumemittari* 'градусник, термометр', *laastari* 'пластырь', *maski* 'маска', *neula* 'игла, иголка', *neivolakortti* 'карточка из консультации', *neuvontapuhelin* 'телефон для получения консультации', *paarit*

‘носилки’, *peräruiske* ‘клизма’, *piilolasit* ‘контактные линзы’, *pinsetti* ‘пинцет’, *proteesi* ‘протез’, *pulveri* ‘порошок’, *pumpuli* ‘вата’, *pyörätuoli* ‘кресло-каталка’, *rokotuskortti* ‘карточка вакцинации’, *ruisku* ‘шприц’, *röntgen* ‘рентген’, *sairaskertomus* ‘история болезни’, *sairausloma* ‘отпуск по болезни’, *sairaustodistus* ‘больничный лист нетрудоспособности’, *sakset* ‘ножницы’, *sairausvakuutus* ‘медицинский полис’, *sairausvakuutuskortti* ‘страховая карточка больного’, *side* ‘бинт’, *sideharso* ‘марля’, *stetoskooppi* ‘стетоскоп’, *sumutin* ‘пульверизатор’, *lääkärintodistus* ‘медсправка’, *alkometri* ‘алкометр’, *lääkelaatikko* ‘аптечка’.

5. Медицинские профессии: *anestesiologi* ‘анестезиолог’, *andrologi* ‘андролог’, *apuhoitaja* ‘няня’, *apuneuvoteknikko* ‘специалист по обслуживанию медицинского инвентаря’, *farmaseutti* ‘фармацевт’, *fysiatrit* ‘физиатр’, *fysiologi* ‘физиолог’, *fysioterapeutti* ‘физиотерапевт’, *hammaslääkäri* ‘зубной врач’, *gynekologi* ‘гинеколог’, *hammashoitaja* ‘медбрат/медсестра стоматологического кабинета’, *hammashuoltaja* ‘стоматолог’, *hermolääkäri* ‘невропатолог’, *hieroja* ‘массажист, массажистка’, *hoitaja* ‘медбрат/медсестра’, *kemisti* ‘химик’, *hoitohenkilökunta* ‘обслуживающий персонал’, *ihotautilääkäri* ‘дерматолог’, *jalkojenhoitaja* ‘специалист по уходу за ногами’, *kardiologi* ‘кардиолог’, *kiiropraktikko* ‘хиропрактик’, *kirurgi* ‘хирург’, *kuntohoitaja* ‘медбрат/медсестра лечебной физкультуры’, *kätilö* ‘акушерка’, *laboratoriohoitaja* ‘лаборант, лаборантка’, *lastenhoitaja* ‘няня, воспитательница’, *lastenlääkäri* ‘детский врач, педиатр’, *lastensairaanhoitaja* ‘педиатрический медбрат/ педиатрическая медсестра’, *leikkaussalinhoitaja* ‘операционный медбрат/операционная медсестра’, *lähihoitaja* ‘няня’, *nukutuslääkäri* ‘анестезиолог’, *lääkäri* ‘врач’, *lääkintävahtimestari* ‘санитар/санитарка’, *neurologi* ‘невролог’, *optikko* ‘оптик’, *ortopedi* ‘ортопед’, *osastonhoitaja* ‘старшая медсестра/старший медбрат отделения’, *perhelääkäri* ‘семейный врач’, *plastiikkakirurgi* ‘пластико-хирург’, *patologi* ‘патолог’, *perushoitaja* ‘няня, санитар/санитарка’, *professori* ‘профессор’, *psykiatri* ‘психиатр’, *proviisori* ‘провизор’, *psykiatrinen sairaanhoitaja* ‘психиатрический медбрат/ психиатрическая медсестра’, *psykologi* ‘психолог’, *psykoterapeutti* ‘психотерапевт’, *puheterapeutti* ‘логопед’, *päivystävä lääkäri* ‘дежурный врач’, *röntgenhoitaja* ‘рентгенолаборант, рентгенолаборантка’, *ravitsemusterapeutti* ‘диетолог’, *sairaala-apulainen* ‘санитар, санитарка’, *röntgenlääkäri* ‘врач-рентгенолог’, *sairaalarappi* ‘священник в больнице’, *silmälääkäri* ‘глазной врач, окулист’, *sairaankuljettaja* ‘человек сопровождающий больного’, *sairaanhoitaja* ‘медбрат/медсестра’, *sisätautilääkäri* ‘терапевт’, *sukupuolitautilien erikoislääkäri* ‘врач-венеролог’, *sydäntautilääkäri* ‘кардиолог’, *synnytyslääkäri* ‘врач-акушёр’, *korvalääkäri* ‘ушной врач’, *sairaalapastori* ‘пастор в больнице’, *traumatologi* ‘врач – травматолог’, *osastolääkäri* ‘ординатор’, *seksitautilääkäri* ‘сексопатолог’.

6. Лекарства (медицинские средства): *ampulli* ‘ампула’, *annos* ‘порция, доза’, *antibiootti* ‘антибиотик’, *geeli* ‘гель’, *antihistamiini* ‘антигистамин’, *aspiriini* ‘аспирин’, *ehkäisyväline* ‘противозачаточное средство’, *hivenaine* ‘микроэлемент’, *hormoni* ‘гормон’, *hyttelö* ‘гель’, *ihmelääke* ‘панацея’, *insuliini* ‘инсулин’, *kapseli* ‘капсула’, *kipulääke* ‘обезболивающее лекарство’, *korvatipat* ‘ушные капли’, *kurkkutabletti* ‘лекарство для горла’,

ksylitoli ‘ксилит’, *kuumetta alentava* ‘жаропонижающее’, *huume* ‘наркотик’, *liuos* ‘раствор’, *lumelääke* ‘плацебо’, *lääke* ‘лекарство, медикамент, средство’, *lääkemääräys* ‘рецепт’, *nuhalääke* ‘лекарство от насморка’, *penisilliini* ‘пенициллин’, *pilleri* ‘пилюля’, *piriste* ‘допинг’, *resepti* ‘рецепт’, *reseptilääke* ‘приготовленное по рецепту лекарство’, *salva* ‘мазь’, *silmätipat* ‘глазные капли’, *särkylääke* ‘болеутоляющее лекарство’. *päänsärkylääke* ‘лекарство от головной боли’, *yskänlääke* ‘лекарство от кашля’, *flunssalääke* ‘лекарство от гриппа’, *aktivoitu hiili* ‘активированный уголь’, *amfetamiini* ‘амфетамин’, *anaboliset steroidit* ‘анаболические стероиды’, *laajakirjoinen antibiootti* ‘антибиотик широкого спектра действия’, *vastalääke* ‘антидот’, *antihistamiini* ‘антигистаминный препарат’, *antipyreetti* ‘антипиретик’, *antiseptinen aine* ‘антисептик’, *askorbiinihappo* ‘аскорбиновая кислота’, *boorisalva* ‘борная мазь’, *ravintolisä* ‘биологически активная добавка’, *vaksiini* ‘вакцина’, *vitamiinit* ‘витамины’, *adstringoivat aineet* ‘вяжущие средства’, *galeeninen lääke* ‘галеновый препарат’, *geelivoide* ‘гелевая мазь’, *silmävoide* ‘глазная мазь’, *matopulveri* ‘глистогонный порошок’, *desinfiointiaine* ‘дезинфицирующее средство’, *hormonitabletit* ‘гормональные таблетки’, *ehkäisyaine* ‘контрацептив’, *immunomodulaattori* ‘иммуномодулятор’, *interferoni* ‘интерферон’, *posliinisavi* ‘каолин’, *ihovoide* ‘кожная мазь’, *lääkeyrtit* ‘лекарственные травы’, *linimentti* ‘мазь для втирания’, *kamferi* ‘камфора’, *haavavoide* ‘мазь для ран’, *kaliumpermanganaatti* ‘марганцовка’, *sydänlääke* ‘лекарство для сердца’, *ammoniakki* ‘нашатырный спирт’, *morfiini* ‘морфий’, *ulostusaine* ‘слабительное средство’, *käärmeenmyrky* ‘змеиный яд’.

7. Части тела: *aataminomena* ‘кадык’, *aivot* ‘мозг’, *aortta* ‘аорта’, *emätin* ‘влагалище’, *alaleuka* ‘нижняя челюсть’, *alapää* ‘нижний конец тела’, *elimistö* ‘организм’, *kämmen* ‘ладонь’, *haima* ‘поджелудочная железа’, *hammas* ‘зуб’, *hartia* ‘плечо, плечевой пояс’, *hengityselimet* ‘органы дыхания’, *henkitorvi* ‘дыхательное горло, трахея’, *hermo* ‘нерв’, *hiukset* ‘волосы’, *ien* ‘десна’, *häntäluu* ‘копчик’, *iho* ‘кож’, *imurauhanen* ‘лимфатическая железа’, *jalka* ‘нога’, *jalkapohja* ‘*huulet*’ губы’, подошва, ступня’, *jalkaterä* ‘стопа, ступня’, *jänne* ‘сухожилие’, *kainalo* ‘подмышка’, *kallo* ‘череп’, *kalvo* ‘пленка, перепонка’, *kantapää* ‘пятка’, *kasvot* ‘лицо’, *kaula* ‘шея, горло’, *keho* ‘тело’, *keinomunuainen* ‘искусственная почка’, *keskikorva* ‘среднее ухо’, *keuhkot* ‘лёгкие’, *keuhkoputket* ‘бронхи’, *kieli* ‘язык’, *kitalaki* ‘нёбо’, *kitansa* ‘глоточная миндалина’, *kivekset* ‘яички, семенник’, *kohtu* ‘матка’, *korva* ‘ухо’, *korvalehti* ‘ушная раковина’, *kulmakarva* ‘бровь’, *kurkku* ‘горло’, *kurkunpää* ‘гортань’, *kylki* ‘бок’, *kylkiluu* ‘ребро’, *kynsi* ‘ноготь’, *kuynärpää* ‘локоть’, *käsi* ‘рука, кисть’, *käsivarsi* ‘предплечье’, *lanne* ‘бедро’, *lantio* ‘таз’, *lapaluu* ‘лопатка’, *lapsivesi* ‘околоплодная жидкость’, *laskimo* ‘вена’, *leuka* ‘подбородок’, *leukaluu* ‘челюсть’, *lihas* ‘мускул, мышца’, *limakalvo* ‘слизистая оболочка’, *lonkka* ‘бедро’, *lonkkaluu* ‘бедренная кость’, *luomi* ‘веко’, *luu* ‘кость’, *luuranko* ‘скелет’, *maha* ‘живот’, *mahalaukku* ‘желудок’, *maksa* ‘печень’, *munasarja* ‘яичник’, *munuainen* ‘почка’, *nielu* ‘глотка’, *nielurisa(t)* ‘гланды, нёбная миндалина’, *nikama* ‘позвонок’, *nilkka* ‘предплюсна’, *nivel* ‘сустав’, *niska* ‘затылок’, *nivelside* ‘суставная связка’, *nivus* ‘пах’, *sappi* ‘жёлчь’, *nenä* ‘нос’, *nänni* ‘сосок’, *ohimo* ‘висок’, *ohutsuoli* ‘тонкая кишка’, *olkapää*

‘плечо’, *olkavarsi* ‘предплечье’, *otsa* ‘лоб’, *pakara* ‘ягодица’, *pallea* ‘диафрагма’, *paksusuoli* ‘толстая кишка’, *perna* ‘селезенка’, *peräaukko* ‘задний проход’, *peräsuoli* ‘прямая кишка’, *peukalo* ‘большой палец’, *pohje* ‘икра’, *polvi* ‘колено’, *polvilumpio* ‘коленная чашечка’, *poski* ‘щека’, *poskiontelo* ‘гайморова полость’, *poskipää* ‘скула’, *pää* ‘голова’, *pääkallo* ‘череп’, *päälaki* ‘макушка’, *raaja* ‘конечность’, *ranne* ‘запястье’, *rauhanen* ‘железа’, *reisi* ‘бедро’, *rinta* ‘грудь’, *rintakehä* ‘грудная клетка’, *rintalasta* ‘грудная кость’, *ristiselkä* ‘поясница’, *ruoansulatuselimet* ‘органы пищеварения’, *ruokatorvi* ‘пищевод’, *rusto* ‘хрящ’, *ruumiinosa* ‘часть тела’, *ruumiinrakenne* ‘телосложение’, *ruumis* ‘тело’, *suu* ‘рот’, *kuollut* ‘труп’, *selkä* ‘спина’, *sappirakko* ‘жёлчный пузырь’, *sääri* ‘голень’, *selkäranka* ‘позвоночник’, *selkäydin* ‘спинной мозг’, *sierain* ‘ноздря’, *siitin* ‘половой член’, *siittiö* ‘сперматозоид’, *silmä* ‘глаз’, *silmämuna* ‘глазное яблоко’, *silmäripsi* ‘ресница’, *silmäterä* ‘зрачок’, *solisluu* ‘ключица’, *sormi* ‘палец руки’, *sukupuolielin* ‘половой орган’, *suoli* ‘кишка’, *suolisto* ‘кишечник’, *suoni* ‘кровеносный сосуд, вена’, *sydän* ‘сердце’, *sylki* ‘слюна’, *syntymämerkki* ‘родинка’, *nyrkki* ‘кулак’.

8. Названия медицинских операций: *abortti* ‘аборт’, *keisarileikkaus* ‘кесарево сечение’, *koeputkihedelmöitys* ‘искусственное (внематочное) оплодотворение’, *lyhytkirurgia* ‘амбулаторная хирургическая операция’, *operaatio* ‘операция’, *raskaudenkeskeytys* ‘прерывание беременности’, *Forequarter-amputaatio* ‘ампутация Форквотера’, *amputaatio* ‘ампутация’, *Gritti - Stokesin amputaatio* ‘ампутация Гритти -Стокса’, *jäykistysleikkaus* ‘артродез’, *liposuktio* ‘липосакция’, *lobotomia* ‘лоботомия’, *Krogiuksen leikkaus* ‘операция Крогиуса’, *Hartmannin leikkaus* ‘операция Хартманна’, *ihosiirre* ‘пересадка кожи’, *trakeostomia* ‘трахеостомия’, *mahaleikkaus* ‘резекция желудка’, *ohitusleikkaus* ‘операция шунтирования’, *plastiikkaleikkaus* ‘пластическая операция’, *yleisanestesialeikkaus* ‘операция под общим обезболиванием’, *aivoleikkaus* ‘операция на мозге’, *taittovirheleikkaus* ‘операция по коррекции астигматизма’, *Colunnan leikkaus* ‘операция Колонна’.

9. Названия медицинских учреждений: *ambulanssi* ‘скорая помощь’, *apteekki* ‘аптека’, *ensiapuhuone* ‘палата первой помощи’, *heräämö* ‘послеоперационная палата’, *hoituhuone* ‘комната для ухода, процедурная’, *huuhteluhuone* ‘санитарно – гигиеническая комната’, *laboratorio* ‘лаборатория’, *leikkausosasto* ‘операционное отделение’, *leikkaussali* ‘операционный зал’, *lääkeyritys* ‘фармацевтическая фирма’, *lääkäriasema* ‘медпункт, центр здравоохранения’, *naistenklinikka* ‘гинекологическая клиника’, *osasto* ‘отделение’, *parantola* ‘санаторий’, *poliklinikka* ‘поликлиника’, *potilashuone* ‘больничная палата’, *päivähoito* ‘дневной стационар’, *synnytysosasto* ‘родильное отделение’, *sairaala* ‘больница’, *silmäklinikka* ‘глазная клиника’, *sotavankisairaala* ‘госпиталь для военнопленных’, *lääkintälaitos* ‘врачебное ведомство’, *verenluovutuspaikka* ‘донорский пункт’, *hoitola* ‘лечебница’, *terveydenhoitolaitos* ‘лечебное учреждение’, *klinikka* ‘клиника’, *aluesairaala* ‘областная больница’, *erikoissairaala* ‘специализированная больница’, *synnytyslaitos* ‘роддом’, *sairaanhoitajakoulu* ‘школа медсестер’.

10. Названия отраслей: *anatomia* ‘анатомия’, *luonnonlääketiede* ‘наука о природных лекарственных средствах’, *fysioterapia* ‘физиотерапия’, *anestesiologia* ‘анестезиология’, *geriatria* ‘гериатрия’, *kirurgia* ‘хирургия’, *lääketiede* ‘медицина’, *lääkitys* ‘лечение, выписанное лечение’, *neurologia* ‘неврология’, *päiväkirurgia* ‘амбулаторная хирургия’, *kylpyoppi* ‘бальнеология’, *bakteriologia* ‘бактериология’, *synnytysoppi* ‘акушерство’, *kudosoppi* ‘гистология’, *biolääketiede* ‘биофармакология’, *ilmailulääketiede* ‘авиационная медицина’, *astenspsykiatria* ‘детская психиатрия’, *kansanlääkitys* ‘народная медицина’, *myrkkyoppi* ‘токсикология’, *urologia* ‘урология’.

Как видно из рассмотренных примеров, финская медицинская лексика включает как исконные, так и заимствованные термины. Для современного финского языка характерно образование сложных слов, в чем мы убедились в нашей работе на основе медицинской терминологии, что является признаком того, что, несмотря на многочисленные заимствования, он, тем не менее, стремится к созданию собственных терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головня А. И. Экстралингвистические факторы в современной терминологической практике. Язык и социум // Материалы VI Междунар. научн. конф., 3-4 декабря 2004 г. В 2 ч. / отв. ред.: Л. Н. Чумак. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 138-142.
2. Циммерман Я. С. Терминологические проблемы в кардиологии и других разделах медицины // Клиническая медицина. – 1998. – № 3. – С. 58-62.
3. Nykysuomen sanakirja. Osat I–VI. – Porvoo-Helsinki: WSOY, 1978.
4. Ilmainen Sanakirja. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sanakirja.org/>.
5. Laaketieteen sanasto. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.terveyskirjasto.fi/terveyskirjasto/tk.koti?p_teos=lt.
6. Vanhaa sanastoa. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.katajala.net/keskiaika/elama/sanasto.html>.
7. Большой медицинский словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.medslv.ru/>.
8. Nykysuomen sanakirja. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.city.fi/ilmiot/nykysuomen+sanakirja/>.

БОРИСОВА Ю. В.

КОМЕДИЙНОЕ ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА ПУДИНА

Аннотация. В статье рассматривается эволюция комического жанра в мордовской драматургии. Анализируется жанрово-стилевая направленность комедийных произведений и их образная система. Выявляется природа комедийного конфликта, обусловленная общественными процессами и национально-этическими нормами.

Ключевые слова: мордовская драматургия, комедия, конфликт, персонаж, жанр, комическая ситуация, комедия абсурда.

BORISOVA YU. V.

ALEXANDER PUDIN'S COMEDIES

Abstract. The article considers the evolution of the comical genre in Mordovian drama. The author analyzes the genre and style features of Mordovian comical plays as well as their imaging system. The study reveals the comical conflict nature resulting from social processes and ethical national standards.

Keywords: Mordovian drama, comedy, conflict, character, genre, comic situation, comedy of the absurd.

Комедия не занимается морализаторством, не изрекает высоких истин. Она просто побуждает нас смеяться над низким, мелким, ничтожным и порочным. Однако смех, даже самый «легкомысленный» и «развлекательный», не столь мелок и незначителен, как принято думать. Вот почему этот, казалось бы, самый легкомысленный жанр наиболее насыщен интеллектуальным действием. Известный теоретик драмы А. Аникст, анализируя произведения У. Шекспира, назвал комедию игрой интеллектуальных сил, дающих человеку ощущение внутренней свободы, и отметил, что «в этом вообще суть радости, которую доставляет искусство» [1, с. 321].

Смеховое начало во многом определяет движение мордовской литературы, ее национальное своеобразие. Комическое занимает в ней значительный художественно-эстетический пласт, тесно связанный с народной смеховой культурой. И не случайно эта область словесного творчества постоянно привлекает внимание исследователей.

Современная мордовская сатирико-юмористическая литература характеризуется «жанрово-тематическим разнообразием, многообразием стиливых поисков и решений, богатством смеховых красок. Комическое как эмоционально-экспрессивная форма изображения действительности находит выражение в различных жанрах прозы, и в драматургии в том числе» [2, с. 34].

Движение от развлекательных и «малых» жанровых форм комедии к широким полотнам остросоциального звучания с достаточно убедительным художественно-эстетическим оформлением, новым жанрово-стилевым открытиям, связанным с «обостренным вниманием к философскому осмыслению действительности, усилением психологического и лирико-драматического начала пьес» [3, с. 140], позволяет говорить о мордовском комедийном искусстве как о вполне состоявшемся факте.

Драматурги пользуются приемами сценической карикатуры и комического заострения не только драматических коллизий, но и характеров действующих лиц. С помощью юмора и легкой иронии драматурги раскрывают самые потаенные стороны души и характера, различные проявления человеческой натуры.

Александр Пудин, один из ярких представителей современной мордовской драматургии, с успехом осваивает практически новый для себя комедийный жанр. Из ранее опубликованных работ А. Пудина только пьеса «Завтра – Агавайрем» относится к комедии. За последнее время автор создает две пьесы этого жанра: комедию абсурда «Назад – к победам» и ироническую драму «Шиллуки». Они абсолютно разные по своему содержанию и используемым художественным приемам.

Комедия «Завтра – Агавайрем» написана в 1994 году. В том же году была поставлена на сцене Марийского национального театра им. М. Шкетана (режиссер – Борис Манджиев). События пьесы происходят в марийской деревне накануне большого праздника Агавайрем. Агавайрем – древний земледельческий праздник, посвященный божествам плодородия, земли и силам природы. В пьесе Александру Пудину удалось показать элементы подготовки к празднику, передать настроение людей перед этим событием, несмотря на то, что действие разворачивается не вокруг праздника, а скорее на его фоне. На передний план автор выносит любовный конфликт. Но и здесь А. Пудин мастерски вплетает фольклорные элементы, что придает пьесе особый колорит.

Автор выводит перед зрителем цепочку комедийных персонажей, в каждом из которых есть такая черта, которая не может не вызывать улыбку. Например, главная героиня Унай-ака никак не может поверить, что ее 30-летний сын Изерге уже не ребенок и не нуждается в материнской опеке. Попытки Изерге и всех остальных героев пьесы (Ови – сестра Унай-аки, Карай – возлюбленный Ови, Изюдыр – будущая невеста Изерге) справиться со сложным характером Унай-аки вызывают множество комичных ситуаций.

Основной конфликт в пьесе завязывается, когда Унай-ака находит газету, в которой видит объявление от своего сына, разыскивающего девушку для серьезных отношений. Для Унай-аки, так тщательно оберегавшей своего сына от посягательств со стороны девушек, подобное объявление становится ударом. Она не может поверить, что это написал сам

Изерге, ведь он всегда был примерным мальчиком и во всем слушался маму. Унай-ака видит во всем этом происки врагов. И вся ситуация, когда из пустяка разыгрывается трагедия вселенского масштаба, вызывает смех.

Автор пьесы высмеивает попытки людей управлять таким чувством, как любовь. Он показывает зрителям то, что настоящее чувство ничему не подвластно, и не нужно пытаться его удерживать.

В конце пьесы всеобщая атмосфера праздника, любви и добра передается зрителям. Таким образом, мы снова приходим к выводу о том, что смех и самоирония помогают разобраться во многом.

В 2003 году Александр Пудин пишет ироническую пьесу «Шиллуки». Как говорит сам автор, пьеса написана в качестве жанрового эксперимента. И здесь драматург экспериментирует, прежде всего, с форматом. «Шиллуки» – пьеса для двух актеров. Это является, безусловно, новым для мордовской драматургии. До Александра Пудина никто не решился вывести на сцену всего двух актеров. Ведь сложно держать внимание зрителей, когда на сцене минимум актеров и минимум декораций. Здесь важно все – каждое слово, каждая реплика, каждая ремарка.

Несмотря на минимализм в плане актерского состава, сама пьеса затрагивает множество тем. Можно обозначить разные идеи, и каждый найдет в ней что-то о себе. Вначале автор дает комментарий, видимо, предполагая, что читатель невольно будет проецировать происходящее в реальную жизнь. Мы узнаем, что «шиллуки» – племя, проживающее на берегах великого Белого Нила. Но сведений о племени мы не найдем ни в одном этнографическом сборнике, потому что «шиллуки» – выдумка автора.

Хотя драматург напоминает, что действие происходит много веков назад и, возможно, где-то далеко, в своем произведении он поднимает проблемы, которые волнуют и сегодня.

О том, что образы главных героев во многом собирательны, говорит отсутствие имен. Автор называет своих героев просто «вождь» и «жена». Вождь олицетворяет мужское начало – он сильный, смелый, не желающий мириться с происходящим, если это происходит против него. Жена, конечно, во многом собирательный образ всех женщин. Она хитра, умна, изворотлива, пытается вывернуть ситуацию в свою пользу. В пьесе мы видим некоторое противостояние мужского и женского начала, что само по себе всегда вызывает улыбку.

По сюжету, некогда сильный и воинственный Вождь племени шиллуки постарел и обессилел. Однако об этом, кроме его младшей жены, пока никто не догадывается. Старый вождь пытается скрыть свое состояние любыми способами. И делает это весьма неуклюже и неловко. Его поступки и действия драматург изображает с мягким юмором, который

неумолим, а порой даже безжалостен. Действия Жены, которая льстит и лукавит, автор высмеивает не в меньшей степени.

Действие начинается с монолога Жены. Она рассказывает, что жизнь племени стала намного хуже, что уже долгое время нет дождя, а это может привести к гибели. Во всех бедах она винит беспомощность стареющего вождя.

Понимая, что, скорее всего, Вождь доживает свои последние дни, Жена задумывает вселить его душу в другого и, тем самым, добыть для племени нового вождя. Однако в финале пьесы Вождь, несмотря на желание уйти, как бы перерождается и обретает прежние силы.

Комедия поднимает важнейшие социальные проблемы, а также не оставляет без внимания обычного человека с его простой ежедневной жизнью.

Как известно герои комедий весьма далеки от совершенства, это обыкновенные заурядные люди: жадничающие, трусоватые, глуповатые, пьющие, берущие взятки. Именно такой мир описал в своей комедии «Назад, к победам» Александр Пудин. Автор назвал свою пьесу комедией абсурда. Данный жанр предусматривает отображение реальности в исключительно специфическом ключе. В пьесе отсутствует логика событий, чувство реальности, присутствует полное нагромождение фактов и событий одно на другое. Чтобы лучше раскрыть замысел пьесы автор использует искрящийся диалог, сочный язык, изящные языковые конструкции, парадоксальность, неожиданные повороты интриги, стремительное действие. Умение ставить характеры вразрез с ситуациями, остроумные репризы и афоризмы – это неоспоримые литературные достоинства пьесы.

Еще Н. Гоголь обращает внимание на то, что драматург должен найти ситуацию, которая затронула бы всех героев, включила бы в свою орбиту важнейшие жизненные заботы всех действующих – иначе персонажи просто не смогут за несколько часов сценического действия реализовать себя, обнаружить свой характер. Поэтому спокойное, «равнинное» течение жизни в пьесе невозможно – необходим конфликт, взрыв, острое столкновение интересов, взглядов, убеждений героев. Кроме того, «лишних» героев, не включенных в конфликт, быть не может.

Автору удалось найти такую ситуацию, которая затрагивает всех героев пьесы. Руководитель идущей ко дну агрофирмы «Вперед – к победам» Амбир Лопаткин заболевает. Причина болезни не вполне понятна. То ли Амбиру стало плохо от радости за то, что ему намереваются поставить памятник при жизни, то ли разыгралась болезнь печени. Однако накануне такого важного события как открытие памятника нельзя было допустить, чтобы кто-либо догадался о болезни, поэтому Амбир со своей женой Клеопатрой решаются позвать из Москвы брата-близнеца Помпея, ученого и по совместительству дворника. Помпей,

который, в отличие от своего брата, не страдает приступами ложной скромности, берется менять жизнь агрофирмы. И начинает он с того, что переименовывает предприятие.

А м п и р. Эксклюзивная идея! (*Неожиданно, радостно.*) Ба! Эврика! Есть такая идея! Надо переименовать агрофирму! Точно! Была «Вперед, к победам!», а будет «Назад, к победам!». Как? По-моему, звучит! «Назад, к победам!». Тут все — и смирение, и ностальгия по тем временам, и желание вернуть утраченные позиции! И вообще — шли вперед, но не туда! Гениально! Конгениально! А теперь назад, но туда! Ай да Помпей Иванович! Ай да собачья башка! Ничего дворники мыслят! (*Довольный потирает руки.*) [5, с. 296].

Новый руководитель перестал сажать картофель, и распорядился отдать землю под футбольные и волейбольные площадки. Остальным 200 гектарам, оставленным под пар, тоже нашли применение: на них будет возрождаться такая массовая, такая любимая русская игра, как лапта. Помпею не нравятся имена его подчиненных, и это он тоже решает поменять. Агроном Самосадова вдруг превращается в Минералову. Под стать новой фамилии Самосадова хочет как-то измениться, однако стремление к новому ограничивается заучиванием новых сельскохозяйственных терминов. Местный поэт Самозванов, чтобы изменить свою фамилию на Пламенный, готов на любую лесть. Он даже отходит от своих коротеньких четверостиший и берется за произведение «большой формы» в честь руководителя.

Зритель понимает всю абсурдность «чудесных метаморфоз», но сами герои воспринимают все всерьез, отчего происходящее на сцене кажется невероятно смешным. Все персонажи так увлечены «новшествами», что даже никто не задумался, в чем причина происходящего. Каждый из героев ищет лишь личную выгоду. Например, участковый инспектор Самагоныч, который до появления Помпея так рьяно боролся с лестью в агрофирме, теперь переходит на сторону председателя и вовсе не против памятника, а даже, наоборот, берется охранять его до открытия. А все потому, что ему пообещали поросеночка за труды. Сельский политолог Василий Оглобля ждет удобного случая, чтобы занять место председателя агрофирмы.

О г л о б л я. Поле под футбольную площадку пускаем! Поем и пляшем! Куда мы покатались! К каким перспективам? И главное – не умер! Ведь уже с женой прощался! Нет, не видать тебе, Оглобля, кресло руководителя! Не видать! А так хотелось! Ведь я полностью созрел для этого! А может, еще умрет? Может, памятник откроем, а он – и того! Я где-то читал, что в этом есть какая-то магическая связь! (*Радостно.*) Точно-точно! Там должна быть магическая связь! [5, с. 305].

Скульптор Каменный намеренно затягивает время на создание памятника, чтобы подольше пожить за счет заказчиков.

К а м е н н ы й. Конечно, конечно, голубчики! (*В сторону.*) А мне хоть кого ваять! Лишь бы деньги платили! Да на свежем воздухе побыть [4, с. 298].

Сам Помпей, почувствовав все прелести жизни на посту руководителя, не желает меняться с братом назад, хотя тот пошел на поправку. Примерно также себя ведут и другие персонажи комедии.

Драматург, используя приемы комедийного жанра, создает актуальную и злободневную пьесу. Доведенные до комизма черты характера главных героев помогают нам осознать все пороки современного общества: лесть, притворство, чиноугодничество, удовлетворение лишь собственных амбиций, человеческая глупость, жажда наживы и прочее.

Знаменитая гоголевская формула «смех сквозь слезы» верна, но слезы заключены не в самой комедии, а в действительности, которую она отражает, и от которой хочется плакать. И вот, чтобы не плакать, мы смеемся. В этом, быть может, и состоит сущность комедии и комического.

Комедийное творчество А. Пудина является заметным феноменом в сегодняшней мордовской драматургии. Оно расширяет жанрово-тематические границы мордовской комедии, придает ей новое звучание, которое точно подчеркивает и современную действительность, и новые ориентиры национальной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникст А. А. Шекспир. Ремесло драматурга. – М.: Советский писатель, 1974. – 605 с.
2. Демин В. И. Многоцветие смеха. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 144 с.
3. Антонов Ю. Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 253 с.
4. Пудин А. Пьесы: в 3 кн. – Кн. 1. – Саранск: Красн. Окт., 2007. – 388 с.

МИГУНОВА А. С., МОСИНА Н. М.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ЭРЗЯНСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена изучению категории локативности, рассмотрению синтетических и аналитических средств выражения данной категории.

Ключевые слова: категория локативности, локализация, местонахождение, пространственные отношения, аналитические и синтетические средства выражения локативности.

MIGUNOVA A. S., MOSINA N. M.

SYNTHETICAL AND ANALYTICAL MEANS OF EXPRESSING LOCATIVITY

IN ERZYA AND FINNISH LANGUAGES

Abstract. The article considers the locativity category. The authors study synthetical and analytical means of expressing locativity in the Erzyan and Finnish languages.

Keywords: locativity category, localization, spatial relations, local relations, synthetical and analytical means.

Человек с древнейших времен осознает себя в пространственно-временном континууме, который имеет глубокие основания в языке. Язык является одним из важнейших явлений цивилизации. Он наполнен лексикой с пространственным значением и пронизан пространственными координатами. Необходимо отметить, так как пространственные характеристики были жизненно важной информацией (недаром развивались такие области знания, как геометрия, астрономия, география и др.), а также лежали в основе представлений о мире древнего человека, появление локативов относится к самым ранним этапам развития языка. Как отмечает Ю. С. Степанов, концепт «пространство», наравне с концептом «время», конституирующий константу «Мир», является понятием большой степени общности и абстракции [6, с. 67]. Эти основные понятия науки, культуры и философии связаны с разного рода ассоциациями и с другими концептами, а также являются функционально значимыми в лингвистическом плане.

Языкознание конца XX – начала XXI веков направлено на языковую личность, следовательно, возрастает интерес лингвистов к изучению категорий, которые имеют антропоцентрический и отражательный характер.

Пространственные отношения входят в число сложных семантических явлений и содержат в себе комплекс категориальных сем: формы, предмета, количества и т. д.

Пространственные отношения соотносятся с общим понятием пространства, поэтому, по сравнению с наполняющими их субкатегориями локативности, директивности, объемности, протяженности и др., они являются наиболее абстрактными и логически самостоятельными. В данной работе мы рассматриваем одну из субкатегорий пространственных отношений – локативность.

В «Теории функциональной грамматики» А. В. Бондарко дает следующее определение локативности: «Локативность трактуется нами как семантическая категория, которая представляет языковую интерпретацию мыслительной категории пространства и, вместе с тем, как функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [3, с. 5].

Категория локативности представляет собой статический процесс нахождения в определенном месте, или движение, не выходящее за пределы определенного пространства, т. е. движение, не связанное с преодолением пределов некоторого пространства. В ситуациях местонахождения наиболее ярко выражается статичность, которая предполагает «неизменное пространственное расположение предмета по отношению к локуму» [5, с. 11]. Главным типом отношений в ситуациях местонахождения является обозначение протекания событий в пределах какого-либо пространства.

Как показывают многочисленные исследования на материале разных языков, локативность может выражаться лексическими и морфологическими средствами.

В эрзянском и финском языках наиболее распространенными морфологическими средствами выступают падежные формы и послеложные конструкции, являющиеся, соответственно, синтетическими и аналитическими средствами выражения локативности.

Для исследования способов маркирования данной семантической категории в эрзянском и финском языках в конструкциях со значениями локативности нами был проанализирован языковой материал художественных произведений «Эрзянь цёра» К. Абрамова и «Tulitikkuja lainaamassa» М. Лассила.

Рассмотрим синтетические средства выражения локативности, учитывая семантическую характеристику рассматриваемых событий, в состав которых входит субъект, а именно: 1) местонахождение / пребывание субъекта; 2) действие субъекта; 3) положение субъекта в пространстве.

1. Местонахождение / пребывание субъекта:

1. *Митрий ды Иваж ульнесть икельсе кудосо, кортасть* [2, с. 62] '**Митрий и Иваж были в передней, разговаривали**'.

2. *Azorosъ тусъ ве лишмесэнтъ Порецкоев, кардайсэ сон* [Степа] *ульнесъ ськамонзо, мусъ шка аламос удомскак* [2, с. 127] ‘Хозяин на одной лошади уехал в Порецк, **в сарае он** [Степа] **находился** один, нашёл время и поспать’.

3. *Tuvassa sanoivat, että sinä olet saunassa, niin arvelin, että jos tästä menisi yhteen löylyyn* [8, с. 45] ‘В доме сказали, что **ты находишься в бане**, и я сразу подумал, что хорошо бы вместе попариться’.

4. *Onhan se hyvä olemassa talossa oma eukko...* [8, с. 23] ‘Хорошо, когда **в доме есть своя женщина...**’.

2. Действие субъекта:

1. *Сеникасо меельсе вастовомсто сынъ паро лацо кортакиность оргодемадо* [2, с. 207] ‘**В сенях** при последней встрече **они** подробно **разговаривали** о побеге’.

2. *Тесэ ават микишность пси прякинеть, кельме поза ды лембе медь* [2, с. 30] ‘**Здесь женщины продавали** пирожки, холодный квас и теплый мед’.

3. *Ulkona miehet taivastelivat, mitä katua myöten lähteä* [8, с. 67] ‘**На улице липерцы остановились** в нерешительности, не зная, в какую сторону им бежать’.

4. *Vasta tullessani kertoivat siitä Variksen mökillä, että se Vatanen on joutunut sen Makkosen lesken verkkoon* [8, с. 119]. ‘Когда я ехал обратно, мне **рассказали в домике** Вариса, что он попал в западню вдовы Макконена...’.

3. Положение субъекта в пространстве:

1. *Баева велесэ Нефедкинэнь эрить покш проулкастонть кемеңце кудо пелеве ёнов* [2, с. 13] ‘**В селе Бaeво семья Нефедовых живет** в десятом доме от большого проулка на север’.

2. *Микай нинзэ марто уцестъ сеникасо, покш урьвась – утомсо* [2, с. 173] ‘**Микай с женой спали в коридоре, старшая невестка – в амбаре**’.

3. *Ihalainen itse makaili penkillä mahallaan piirpu hampaissa* [8, с. 1] ‘**Сам Ихалайнен с трубкой в зубах лежал на животе на скамейке**’.

4. *Nyt istuivat he rinnatusten lauteiden peräpenkillä kumarassa, kuin kaksi kylvyn jumalaa olisi istunut valtaistuimellansa* [8, с. 22] **Они сидели рядом на скамье**, как два бога на своих тронах’.

Рассмотрим аналитические средства выражения локативности, учитывая семантическую характеристику рассматриваемых событий, в состав которых входит субъект, а именно: 1) местонахождение / пребывание субъекта; 2) действие субъекта; 3) положение субъекта в пространстве.

1. Местонахождение/пребывание субъекта:

1. *Кудо потсо ламо тейтерь-ават...* [2, с. 19] ‘**В доме находится много девушек**’.

2. *Стёна ульнесь кардазонть боксо, зярдо маризе Илькань вайгелензэ* [2, с. 25] '**Степа был около сарая**, когда услышал голос Ильки'.

3. *Kenonen istui polvi toisen polven päällä, päällimmäistä jalkaansa heilutellen* 'Портной сидел положив **ногу на ногу** и небрежно покачивал своей ногой'.

2. Действие субъекта:

1. *Кавксошка иесэ тейтерне уштозь голландканть икеле пурны пидемс* ям [2, с. 237] '**Девочка**, лет восьми, **перед** истопленной голландкой **собирается варить суп**'.

2. *Стёна кувать эзь матедеве ды яла велявтнесь чевте тикшенть потсо* [2, с. 199] '**Степа** долго не засыпал и все **вертелся в мягкой траве**'.

3. *Mutta kadunkulmassa siinä Jussi Hirvosen talon luona he sotkeutuivat* [8, с. 68] 'На первом же перекрестке **в доме Хирванена** они снова **остановились**'.

4. *Ушосо увны варма, кудонтъ потсо цирьни цирькун* [8, с. 67] 'На улице воет ветер, **в доме стрекочет сверчок**'.

3. Положение субъекта в пространстве:

1. *Комнатанть куншкасо аштесь атя* [2, с. 54] '**В середине комнаты** сидел старик'.

2. *Стёна аламос аштесь коник лангсо, снартсь стямо* [2, с. 18] '**Степа** немного **посидел на кровати**, попытался встать'.

3. *Koposen talon sisällä istui jotakin vakava talonpoika* [8, с. 81] '**В доме** Копонена **сидел** какой-то печальный **крестьянин**'.

4. *Etumaisen kuorman päällä istui Vatanen Kaisan rinnalla* [8, с. 117] '**На переднем возу** рядом с Кайсой **сидел Ватанен**'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина А. А. Функционально-семантическое поле локативности в современном русском языке: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1994. – 17 с.

2. Абрамов К. Г. Эрзянь цёра. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

3. Бондарко А. В. Локативность // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 5-6.

4. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Русский язык, 1982. – 264 с.

5. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 6-27.

6. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
7. Hakulinen A., Vilkkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T., Alho I. Iso suomen kielioppi. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 2004. – 1240 s.
8. Lassila M. Tulitikkuja lainaamassa. – СПб.: Капо, 2010. – 320 s.

КИСЕЛЕВА Л. В., ЕФРЕМОВ Д. А.

**О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В УДМУРТСКОМ И
ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)**

Аннотация. При сопоставительном анализе форм будущего времени глагола удмуртского и венгерского языков выявляется следующее: основным способом в венгерском является аналитический (сочетание основного глагола со служебным), в удмуртском же – это синтетический способ, при этом служебный глагол венгерского языка аналогично удмуртскому глаголу принимает показатели лица и числа. В обоих языках при определенных условиях значение будущего времени передается через форму настоящего времени глагола.

Ключевые слова: удмуртский язык, венгерский язык, будущее время, синтетический способ, словоформа, аналитический метод.

KISELEVA L. V., EFREMOV D. A.

**ON EXPRESSING THE FUTURE TENSE IN THE UDMURT AND HUNGARIAN
LANGUAGES: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the future tense verb forms in the Udmurt and Hungarian languages. The study showed that the analytical method (a combination of the main verb and connective verbs) is the main way of conveying the future tense in Hungarian. The synthetic method is typical of the Udmurt language. However, both the Udmurt and Hungarian connective verbs take the person and number markers of the main verb. In both languages, under certain conditions, the meaning of the future tense is conveyed through the present tense form of the verb.

Keywords: Udmurt language, Hungarian language, future tense, synthetic method, word form, analytic method.

В языкознании, во временной системе, выделение форм будущего времени является позднейшим явлением. Иногда это объясняется отсутствием в некоторых языках морфологического показателя с грамматическим значением будущего времени [7, с. 224]. В таких языках значения будущего времени передаются через иные сложные формы.

В удмуртском языке у глаголов I спряжения формы будущего времени образуются маркированием глагольной основы суффиксом *-o-* (*-e-*). К образовавшейся основе прибавляются суффиксы, указывающие на лицо и число.

В современном удмуртском языке глаголы I и II спряжения в форме 1-го лица единственного числа принимают нулевой показатель, например (спряжение по лицам и числам глагола I спряжения):

<i>мон лэсьт-о</i> ‘я сделаю’	<i>ми лэсьт-о-м(ы)</i> ‘мы сделаем’
<i>тон лэсьт-о-д</i> ‘ты сделаешь’	<i>тй лэсьт-о-д-ы</i> ‘вы сделаете’
<i>со лэсьт-о-з</i> ‘он/она сделает’	<i>соос лэсьт-о-з-ы</i> ‘они сделают’.

Форма будущего времени у глаголов II спряжения формируется путем прибавления к основе инфинитива суффикса *-ло*. Например:

<i>мон кырза-ло</i> ‘я спою’	<i>ми кырза-ло-м(ы)</i> ‘мы споем’
<i>тон кырза-ло-д</i> ‘ты споешь’	<i>тй кырза-ло-д-ы</i> ‘вы споете’
<i>со кырза-ло-з</i> ‘он/она споет’	<i>соос кырза-ло-з-ы</i> ‘они споют’.

Отрицательная форма будущего времени образуется сочетанием знаменательного глагола со служебным словом (отрицательным глаголом). В этом сочетании по лицам и числам изменяется лишь отрицательное слово. В 1-м, 2-м и 3-м лице единственного числа форма знаменательного глагола остается неизменной – оканчивается на гласную глагольной основы. Во множественном числе к ней (краткой основе – оканчивающейся на согласный) прибавляются суффиксы *-э (-е)* или *-лэ*:

I спряжение:

<i>мон уг тоды</i> ‘я не узнаю’	<i>ми ум тод-э</i> ‘мы не узнаем’
<i>тон уд тоды</i> ‘ты не узнаешь’	<i>тй уд тод-э</i> ‘вы не узнаете’
<i>со уз тоды</i> ‘он/она не узнает’	<i>соос уз тод-э</i> ‘они не узнают’

II спряжение:

<i>мон уг вала</i> ‘я не пойму’	<i>ми ум вала-лэ</i> ‘мы не пойдем’
<i>тон уд вала</i> ‘ты не поймешь’	<i>тй уд вала-лэ</i> ‘вы не поймете’
<i>со уз вала</i> ‘он/она не поймет’	<i>соос уз вала-лэ</i> ‘они не поймут’.

Таким образом, показателем будущего времени в удмуртском языке является суффикс *-о (-ё)*, *-ло*. В обоих спряжениях формантом 1-го лица единственного числа выступает нулевой грамматический показатель.

В венгерском языке эта временная форма также появилась одной из последних, в результате чего она используется реже, по сравнению, к примеру, с формой настоящего времени. Образование форм будущего времени в венгерском языке является сложным: используется аналитический метод – сочетание вспомогательного глагола *fogni* ‘держать’ с основой знаменательного глагола. В этом случае вспомогательный глагол спрягается по лицам и числам, соответствующим формам настоящего времени.

Формы глагола *kér* ‘просить’ в неопределенном спряжении (венг. *határozatlan/alanyi ragozás*):

<i>kérni fog-ok</i> ‘я попрошу’	<i>kérni fog-unk</i> ‘мы попросим’
<i>kérni fog-sz</i> ‘ты попросишь’	<i>kérni fog-tok</i> ‘вы попросите’
<i>kérni fog</i> ‘он/она попросит’	<i>kérni fog-nak</i> ‘они попросят’.

Формы глагола *kér* ‘просить’ в определенном спряжении (венг. *határozott/tárgyas ragozás*):

<i>kérni fog-om</i> ‘я попрошу’ (<i>kérni fog-lak</i> ‘я попрошу тебя, Вас’)
<i>kérni fog-od</i> ‘ты попросишь’
<i>kérni fog-ja</i> ‘он/она попросит’
<i>kérni fog-juk</i> ‘мы попросим’
<i>kérni fog-játok</i> ‘вы попросите’
<i>kérni fog-ják</i> ‘они попросят’.

Порядок употребления знаменательного и вспомогательного глаголов может изменяться: *fogok kérni* ‘я попрошу’. Отрицательная форма образуется употреблением отрицательного слова *nem* ‘не; нет’ перед формами утвердительного глагола: *nem fogok kérni* ‘я не попрошу’.

Ранее можно было встретить и синтетическую форму будущего времени, образованную аффиксом *-(a)nd*, *-(e)nd*:

<i>tanul-and-ok</i> ‘я выучу’
<i>tanul-and-sz</i> ‘ты выучишь’
<i>tanul-and</i> ‘он/она выучит’ и др. [7, с. 227].

При этом личные окончания совпадали с показателями форм настоящего времени. Архаичная морфема использовалась как в безобъектном, так и объектном спряжении. Данная форма вышла из употребления уже в XVII веке. На сегодняшний день эту форму будущего времени не используют ни в письменной, ни в устной форме ни в одном диалекте венгерского языка [7, с. 227].

В современном венгерском языке, тем не менее, встречается одна синтетическая форма для передачи значения будущего времени – глагол *lenni* ‘быть’. Этот глагол имеет свою парадигму изменения по лицам и числам:

<i>én lesz-ek</i> ‘я буду’	<i>mi lesz-ünk</i> ‘мы будем’
<i>te lesz-el</i> ‘ты будешь’	<i>ti lesz-tek</i> ‘вы будете’
<i>ő lesz</i> ‘он/она будет’	<i>ők lesz-nek</i> ‘они будут’.

Образование отрицательной формы аналогично аналитической форме будущего времени – в препозиции выступает лексема *nem* ‘не; нет’: *nem lesz-ek* ‘я не буду’.

Таким образом, образование будущего времени в удмуртском и венгерском языках различно. В удмуртском языке встречается только синтетическая форма будущего времени, имеется морфологический показатель. В венгерском языке существует два способа образования форм будущего времени: аналитический и синтетический. Аналитическая конструкция образуется сочетанием вспомогательного и основного глаголов. Синтетическая форма образуется у одного единственного глагола. Отрицательные формы будущего времени в обоих языках образуются аналитическим способом.

Будущее время может передавать несколько значений. Между этими значениями существуют некоторые различия, они ощутимы лишь в небольших временных характеристиках. Основное значение будущего времени – действие, совершающееся после момента речи – встречается во многих языках, также в удмуртском и венгерском: *Котькудйӱлэн аслаз сюлэмыз, аслаз йырвизьмыз вань. Чаклалоз, малпалоз но мар карыны ачиз тодоз.* ‘У каждого свое сердце, своя голова есть. Проследит, продумает и сам решит, что делать’ [1, с. 45]; *Szóval a pótvizsgán is meg fogsz bukni.* ‘Таким образом, и во время пересдачи не сможешь сдать экзамен’ [5, с. 10].

В удмуртском языке глаголы в форме будущего времени могут обозначать действия, исполнение которых неизбежно при всех условиях: *Тушмон пазьгемын луоз. Асьмеос вормом.* ‘Враг будет разгромлен. Мы победим’ [1, с. 12].

Глаголы в форме будущего времени обозначают действия, соответствующие разным временным категориям. Примеры таких форм можно встретить в пословицах и поговорках: *Кызэз ӥогытэк уд погырты.* ‘букв.: Не срубив, елку не свалишь’ [8, с. 14] ; *Мар ужад, сое ик сиӥд.* ‘букв.: Что заработал, то и съешь’ [8, с. 22].

В удмуртском языке формы 2-го и 3-го лица будущего времени в зависимости от контекста могут выражать дополнительный оттенок долженствования:

– *Ойдо, картаен шудом но сюлэмшугед ортчоз. Сейчас солдатик вина доры бызьыллоз, соку уката шулдыр луоз.*

‘ – Айда, сыграем в карты, и успокоишься. А солдатик сейчас сбегает за вином, тогда еще веселее будет’ [4, с. 179].

Такое явление встречается редко. Чаше для передачи подобного значения используется повелительное наклонение. В венгерском языке встречаются аналогичные случаи. Для выражения утвердительных просьб, приказов также используются формы будущего времени: *Most azonnal el fogsz menni!* ‘Ты сейчас же пойдешь!’ [5, с. 13]; *Fogok kérni tőled egy kis segítséget.* ‘Я попрошу у тебя небольшой помощи’ [5, с. 41].

Довольно часто при желании сказать о чем-то предстоящем используется настоящее время, таким образом, значение будущего времени передается через формы настоящего

времени: *Чурайшуре бертісько, туннэ уин кошко*. 'Еду в Чурайшур, сегодня ночью уеду' [6, с. 300]; *Hazamegyek és felhívom barátaimat*. 'Вернусь домой и приглашу своих друзей' [9, с. 3]. Подобное явление как в удмуртском, так и венгерском языках возможно только при определенном контекстуальном окружении.

Проанализировав будущее время удмуртского и венгерского языков, можно сделать вывод о том, что эти системы схожи. В обоих языках будущее время семантически подразделяется на несколько разновидностей. Но существуют и свои различия. Явным отличием удмуртского языка от венгерского является отсутствие в венгерском языке синтетического способа выражения будущего времени, за исключением форм глагола *lenni* 'быть'. Основным средством образования будущего времени в венгерском языке является аналитический способ. При определенном контексте в обоих анализируемых языках значение будущего может быть передано и формой настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов Т. А. Лудзи шур дурын: роман-диалогия. – Ижевск: Устинов, 1985. – 524 с.
2. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / под ред. П. Н. Перевощикова. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
3. Гуськова А. П. Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 2012. – 272 с.
4. Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учебное пособие. – Ижевск: Удмуртск. ун-т, 2001. – 228 с.
5. Костолани Д. Веросьёс. – Ижкар: Инвожо, 2011. – 104 с.
6. Красильников Г. Д. Тонэн кылисько: роман, повесть но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 400 с.
7. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Введение. Фонетика. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. I. – 304 с.
8. Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / сост. Т. Г. Перевозчикова. – Ижевск: Устинов, 1987. – 276 с.
9. Benedek E. A bujdosó macska. – Budapest: Felelős kiadó, 1995. – 96 old.
10. Rácz E., Takács E. Kis magyar nyelvtan. – Budapest: Gondolat, 1983. – 313 old.